

121
К. Д. БАЛЬМОНТЪ

СОБРАНІЕ
ЛИРИКИ

КНИГА
ЧЕТВЕРТАЯ

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

III - 1352

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

СОБРАНІЕ ЛИРИКИ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

520/1-114

ИЗДАНИЕ

В. В. ПАШУКАНИСА.

К. Д. ВАЛЬМОНТЪ.

ГОРЯЩІЯ ЗДАНІЯ

ЛІРІКА СОВРЕМЕННОЇ ДУШІ.

МОСКВА

1917.

2010517358

ГОРЯЩІЯ ЗДАНІЯ.

Міръ долженъ быть оправданъ весь
Чтобъ можно было жить.

Бальмонтъ.

1899 Осень.

Посвящаю эту книгу рубиновых страницъ

моему другу

С. А. Полякову

съ которымъ мы вмѣстѣ се пережили

Москва 3 января 1904.

К. Бальмонтъ.

1. ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

(1899).

Эта книга почти цѣликомъ написана подъ властью одного настроенія, на долгія недѣли превратившаго мою жизнь въ сказку. Я былъ захваченъ страстной волной, которая увлекла меня, и держала въ плѣну, бросала вверхъ, бросала внизъ, и я не могъ выйти изъ неѣ, пока самъ не овладѣлъ ею, понявъ ея сущность.

Я былъ въ замкнутой башнѣ, и видѣлъ сквозь темное окно далекое ночное зарево, и хотѣлъ выйти изъ башни, потому что въ человѣкѣ есть неудержимая потребность бѣжать къ мѣсту пожара. Но я не могъ выйти на волю, пока не понялъ самого себя.

Эта книга не напрасно названа *лирикой современной души*. Никогда не создавая въ своей душѣ искусственной любви къ тому, что является теперь современностью и что въ иныхъ формахъ повторялось неоднократно, я никогда не закрывалъ своего слуха для голосовъ, звучащихъ изъ прошлаго и неизбѣжнаго грядущаго. Я не уклонялся отъ самого

себя и спокойно отдаюсь тому потоку, который влечетъ къ новымъ берегамъ. Въ этой книгѣ я говорю не только за себя, но и за многихъ другихъ, которые нѣмотствуютъ, не имѣя голоса, а иногда имѣя его, но не желая говорить, нѣмотствуютъ, но чувствуютъ гнѣтъ роковыхъ противорѣчій, быть-можетъ, гораздо слыгѣе, чѣмъ я.

У каждой души есть множество ликовъ, въ каждомъ человѣкѣ скрыто множество людей, и многіе изъ этихъ людей, образующихъ одного человека, должны быть безжалостно свергнуты въ огонь. Нужно быть безпощаднымъ къ себѣ. Только тогда можно достичь чего-нибудь. Что до меня, я сдѣлала это въ предлагаемой книгѣ, и, быть-можетъ, тѣмъ, кто чувствуетъ созвучно со мной, она поможетъ придти къ тому внутреннему освобожденію, котораго я достигъ для себя.

Въ предшествующихъ своихъ книгахъ — Подъ Сѣвернымъ Небомъ, Въ Безбрежности и Тишина, я показала, что можетъ сдѣлать съ Русскимъ стихомъ поэтъ, любящій музыку. Въ нихъ есть ритмы и перезвоны благозвучій, найденные впервые. Но этого недостаточно. Это только часть творчества. Пусть же возникнетъ новое.

Въ воздухѣ есть скрытыя теченія, которыя пересоздаютъ душу.

Если мои друзья утомились смотрѣть на бѣлыя облака, бѣгущія въ голубыхъ пространствахъ, если мои враги устали слушать звуки струнныхъ инструментовъ, пусть и тѣ и другіе увидятъ теперь, умѣю ли я ковать желѣзо и закалывать сталь.

3 сентября. Почь.

Имѣніе Поляковыхъ «Вишня»,
Московского уѣзда.

2. ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.
(1903).

МОИ ВРАГИ.

О, да, ихъ имена суть многи,
Чужда имъ музыка мечты.
И такъ они сѣро-убоги,
Что имъ не нужно красоты.

Ихъ дразнить трепеть скрипки страстной,
И розъ красивыхъ лепестки.
Едва махнешь имъ тканью красной,
Они мятутся, какъ быки.

Зачѣмъ мы яркихъ красокъ ищемъ,
Зачѣмъ у насъ такъ свѣтель взглядъ!
Нѣтъ, если вѣжливъ ты, предъ нищимъ
Скрывай, поэтъ, что ты богатъ.

Отдай свой духъ мышинымъ войнамъ,
Забудь о безднѣ голубой.
Прилично ль быть красиво-стройнымъ,
Когда уроды предъ тобой!

Подслѣповатыми глазами
 Они косятся на цвѣты,
 Они питаются червями,
 О, косолапые кроты!

Едва они на Солнце глянутъ,—
 И въ норы прячутся сейчасъ:
 Вдругъ вовсе видѣть перестанутъ,
 И станутъ дырки вмѣсто глазъ.

Но мнѣ до нихъ какое дѣло,
 Я въ облакахъ моей мечты,
 Съ недостижимаго предѣла
 Роняю любящимъ цвѣты.

Свѣчу и жгу лучомъ горящимъ,
 И всею красивымъ шлю привѣтъ,
 И я ничто—звѣрямъ незрячимъ,
 Но зрѣнюю свѣтлыхъ—я расцвѣтъ!

14 августа. Дець.

Мерреколь, Эстляндской губ.

3. ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

(1904).

Какъ странно перебирать старыя бумаги, перелистывать страницы, которыя жили и погасли для тебя, ихъ написавшаго. Они дороги и чужды, какъ ленточки подаренныхъ увидшихъ цвѣтовъ, какъ письма женщинъ, въ которыхъ ты пробудилъ непонятность, что зовется любовью, какъ выцвѣтшіе портреты отошедшихъ людей. Вотъ я смотрю на нихъ, и многое въ этомъ старомъ удивляетъ меня новизной. Въ свѣтѣ мгновений я создавалъ эти слова. Мгновенья всегда единственны. Они старались въ свою музыку, я былъ ихъ частью, когда они звенѣли. Они отзвенѣли и навѣки унесли съ собою свою тайну. И я другой, мнѣ перестало быть понятнымъ, что было такъ ярко-постижимо, когда я былъ ихъ созвучной и покорной частью, ихъ соучастникомъ. Я другой, я одинъ, мнѣ осталось лишь нѣсколько золотыхъ песчинокъ изъ сверкавшаго потока времени, нѣсколько страстныхъ рубиновъ, и нѣсколько горячихъ испанскихъ гвоздикъ, и нѣсколько красныхъ міровыхъ розъ.

Я живу слишкомъ быстрой жизнью, и не знаю никого, кто такъ любилъ бы мгновенья, какъ я. Я иду, я иду, я ухожу, я мѣняю, и измѣняюсь самъ. Я отдаюсь мгновенью, и оно мнѣ снова и снова открываетъ свѣжія поляны. И вѣчно цвѣтутъ мнѣ новые цвѣты.

Я откидываюсь отъ разума къ страсти, я опрокидываюсь отъ страстей въ разумъ. Маятникъ влево, маятникъ вправо. На циферблатѣ ночей и дней неизбѣжно должно быть движеніе. Но философія мгновенья не есть философія земного маятника. Звонъ мгновенья—когда его любишь какъ я—изъ области надземныхъ звуковъ.

Я отдаюсь міровому, и Міръ входитъ въ меня. Мнѣ близки и звѣзды, и волны, и горы. Мнѣ близки звѣри и герои. Мнѣ близки красивые и некрасивые. Я говорю съ другомъ, а самъ въ это время далеко отъ него, за преградой вѣковъ, гдѣ-то въ древнемъ Римѣ, гдѣ-то въ вѣчной Индіи, гдѣ-то въ той странѣ, чье имя—Майя. Я говорю съ врагомъ, а самъ въ то же время тайно люблю его, хотя бы я говорилъ самыя жестокия слова. О, клянусь, въ тѣ мгновенья, когда я—дѣйствительно я, мнѣ близки все, мнѣ понятно и дорого все. Мнѣ понятны вершины, я на нихъ всходилъ, мнѣ понятно низкое, я низко

падать, мнѣ понятно и то, что выѣ предѣловъ высокаго и низкаго. Я знаю полную свободу. Безмѣрность можетъ замкнуться въ малое. Песчинка можетъ превратиться въ систему звѣздныхъ міровъ. И слабыми руками будутъ воздвигнуты безмѣрные зданія во имя Красоты. И сгорятъ города, и сгорятъ лѣса, а тамъ, гдѣ они шумѣли и молчали, возникнутъ новые шелесты и шорохи, даски и улыбки, вѣчная жизнь.

Я знаю, что есть два бога: богъ покоя и богъ движенія. Я люблю ихъ обоихъ. Но я не долго медлю съ первымъ. Я побылъ съ нимъ. Довольно. Я вижу быстрые блестящіе глаза. Магнитъ моей души! Я слышу свистъ вѣтра. Я слышу иѣніе струнъ. Молотъ близъ горновъ. Раскаты міровой музыки. Я отдаюсь міровому. Мнѣ страшно. Мнѣ сладко. Міръ вошелъ въ меня. Прощай, мое вчера. Скорѣй къ неизвѣстному Завтра!

Б. Гальмонтъ.

3 Января. Печь.
Москва.

КРИКЪ ЧАСОВОГО.

Mis arreos son las armas,
mi descanso, el pelear,
mi cama, las duras penas,
mi dormir, siempre velar.

Romance de Moriana.

Мой парядъ—бранные доспѣхи,
Мое отдохновенье—гдѣ битва и бѣда,
Моя постель—суровые утесы,
/ Мое дремать—не спать никогда.

Старинная Испанская Пѣсня.

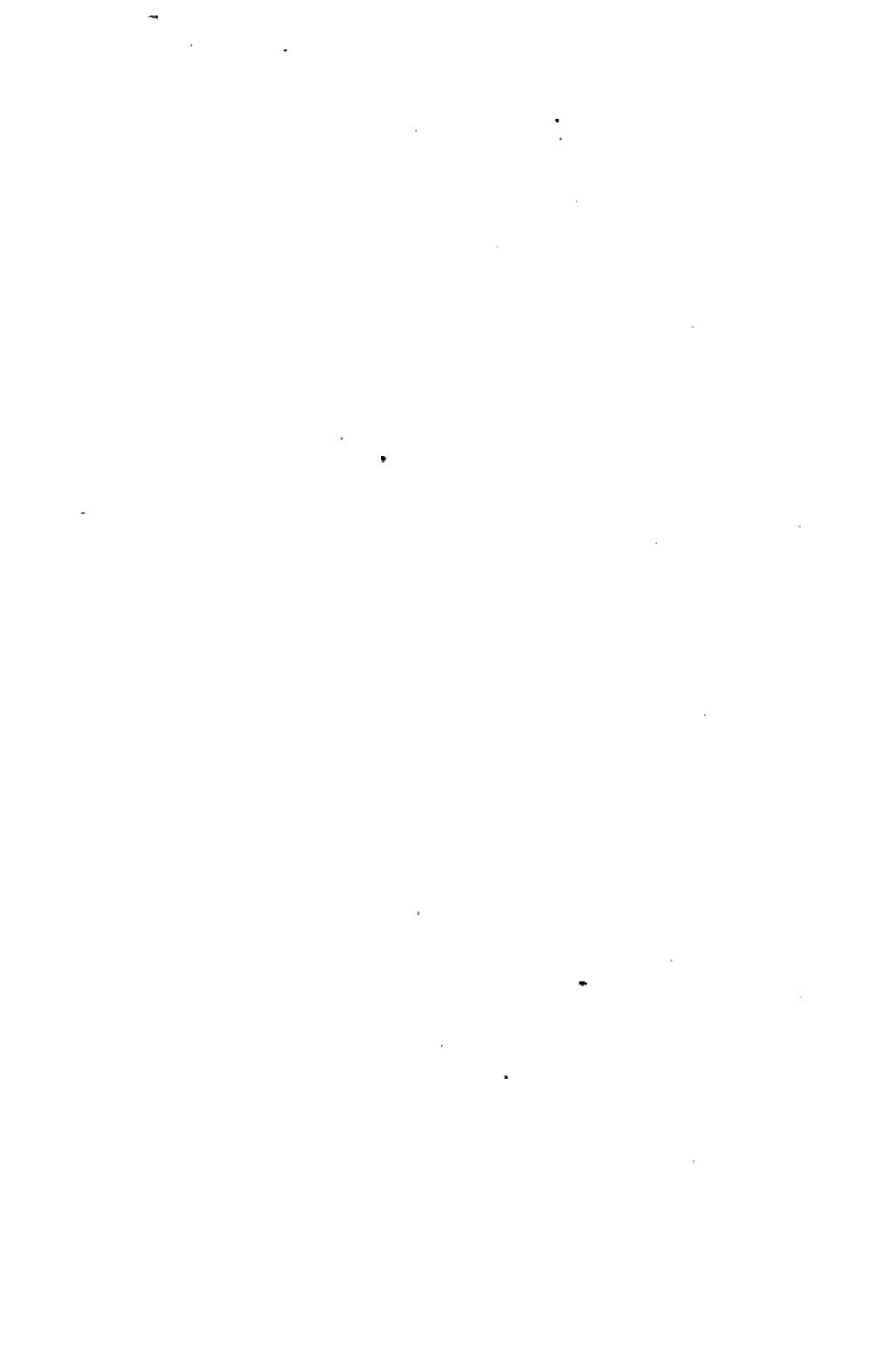
КРИКЪ ЧАСОВОГО.

Пройдя луга, лѣса, болота, горы,
Завоевавъ чужіе города,
Солдаты спятъ. Потухнувшіе взоры—
Въ предѣлахъ думъ. Снуеть ихъ череда.

Сады, пещеры, замки изо льда,
Забытыхъ словъ созвучные узоры,
Невинность чувствъ, погибшихъ навсегда,—
Солдаты спятъ, какъ нищіе, какъ воры.

Назавтра бой. Поспѣшенъ бѣгъ минутъ.
Всѣ спятъ. Все спитъ. И пусть. Я—вѣрный—тутъ.
До завтра сномъ безопасно усладитесь.

Но чу! Во тьмѣ—чуть слышные шаги.
Ихъ тысячи. Все ближе. А! Враги!
Товарищи! Товарищи! Проснитесь!

ОТСВѢТЫ ЗАРЕВА.

А межъ тѣмъ огонь безумный
И глухой, и многшумный,
Все горить.

Эдгаръ По.

Leaping higher, higher, higher.

Е. А. Poe.

КИНЖАЛЬНЫЯ СЛОВА.

I will speak daggers.

Hamlet

Я усталъ отъ нѣжныхъ словъ,
 Отъ восторговъ этихъ цѣльныхъ
 Гармоническихъ пировъ
 И напѣвовъ колыбельныхъ.
 Я хочу порвать лазурь
 Успокоенныхъ мечтаній.
 Я хочу горящихъ зданій,
 Я хочу кричащихъ бурь!

Упоеніе покоя—
 Усыпленіе ума.
 Пусть же вспыхнетъ море зноя,
 Пусть же въ сердцѣ дрогнетъ тьма.
 Я хочу пныхъ бряцаній
 Для моихъ пныхъ пировъ.
 Я хочу кинжальныхъ словъ,
 И предсмертныхъ восклицаній!

ПОЛНОЧЬ И СВѢТЪ.

Полночь и свѣтъ знаютъ свой часъ.
Полночь и свѣтъ радуютъ насъ.
Въ сердцѣ моемъ--призрачный свѣтъ.
Въ сердцѣ моемъ--полночи нѣтъ.

Вѣтеръ и громъ знаютъ свой путь.
Къ лону земли смѣютъ прильнуть.
Въ сердцѣ моемъ буря мертва.
Въ сердцѣ моемъ гаснутъ слова.

Вѣчно ли я буду рабомъ?
Мчитесь ко мнѣ, буря и громъ!
Сердце мое, гибни въ огнѣ!
Полночь и свѣтъ, будьте во мнѣ!

СЛОВО ЗАВѢТА.

¡ Oh hombre! pregunta á los brutos
irracionales, que te enseñarán...

Diego de Estella

О, человекъ, спроси звѣрей,
Спроси безжизненные тучи!
Къ пустынямъ вѣдь бѣги скорѣй,
Чтобъ слышать, какъ огъ нѣвучи!
Бѣги въ огромные лѣса,
Взгляни на сонныя растенья,
Въ чьей нѣжной чашечкѣ оса
Впиваетъ влагу наслажденья!

Имъ вѣдомъ ихъ законъ, имъ чуждо заблужденье.

Зачѣмъ же только ты одинъ
Живешь въ тревогѣ безпримѣрной?
Отъ колыбели до сѣдинъ
Ты каждый день—другой, невѣрный!
Зачѣмъ сегодня, какъ вчера,
Ты восклицанье безъ отвѣта?
Какъ тѣнь отъ яркаго костра,
Ты въ ночь бѣжишь отъ мѣста свѣта,
И чаща вокругъ тебя безмолвіемъ одѣта.

Проникни силою своей
Въ языкъ безмолвія ночного!
О, человѣкъ, спроси звѣрей
О цѣли странствія земного!
Ты каждый день убійцей будь
Своихъ же собственныхъ мечтаній,
Ты духъ изъ тысячи могилъ,—
Живи, какъ звѣрь, безъ колебаній!—

И въ смерти будешь жить, какъ островъ мощныхъ
зданій!

МОРСКОЙ РАЗБОЙНИКЪ.

Есть сѣрая птица морская съ позорнымъ на-
званьемъ—глупышъ.

Летитъ она вяло и низко, какъ будто бы спитъ,—
но, глядишь,

Нависши уродливымъ тѣломъ надъ быстръ сверкну-
вшей волной,

Она увлекаетъ добычу съ блестящей ея чешуей.

Она увлекаетъ добычу, но дерзокъ, красивъ, и
могучъ,

Надъ ней альбатросъ длинокрылый, покинувъ возвы-
шенность тучъ,

Какъ камень, низринутый съ неба, стремительно
падаетъ ницъ,

При громкихъ встревоженныхъ крикахъ окрестъ
пролетающихъ птицъ.

Ударомъ свирѣлаго клюва онъ рыбу швырнетъ въ
пустоту,

И, быстрымъ комкомъ промелькнувши, изловитъ ея
налету,

И, глупую птицу ограбивъ, онъ крылья расправитъ
свои,

И виденъ въ его уже клювъ блестящій отливъ
чешуи.—
Морской и воздушный разбойникъ, тебѣ я слагаю
свой стихъ,
Тебя я лоблю за безстыдство пиратскихъ порывовъ
твоихъ,
Вы, глупыя птицы, спѣшите, ловите сверкающихъ
рыбъ,
Чтобъ мѣткимъ хватистымъ клювомъ оны въ
воздухъ ихъ перенибъ!

КАКЪ ИСПАНЕЦЪ.

Какъ Испанецъ, ослѣпленный вѣрой въ Бога и
любовью,

И своею опьяненной и чужою красной кровью,
Я хочу быть первымъ въ мѣрѣ, на землѣ и на водѣ.
Я хочу цвѣтовъ багряныхъ, мною созданныхъ вездѣ.

Я, родившійся въ ущельи, подѣ Сиеррою-Невадой,
Гдѣ лишь коршуны кричали за утесистой громадой,
Я хочу, чтобъ мнѣ открылись первобытные лѣса,
Чтобы заревоиъ надѣ Перу засвѣтились небеса.

Мѣди, золота, бальзама, брилліантовъ, и рубиновъ,
Крови, брызнувшей изъ груди побѣжденныхъ власте-
линовъ,

Яркихъ зарослей коралла, протянувшихся къ лучу,
Мной отысканныхъ предѣловъ жаркимъ сердцемъ я
хочу.

И, стремясь отъ счастья къ счастью, я пройду по
океанамъ,
И въ пустыняхъ раскаленныхъ я исчезну за
туманомъ,
Чтобы съ жадной быстротою аравійскаго коня
Всюду мчаться за врагами подъ багряной вспышкой
дня.
И, быть-можетъ, черезъ годы, сосчитаю свои
владѣнья,
Я ихъ самъ же разбросаю, разгоню, какъ при-
видѣнья,
Но и въ часъ переддремотный, между скалъ роди-
мыхъ вновь,
Я вижу Солнце, Солнце, Солнце, красное, какъ кровь.

КРАСНЫИ ЦВѢТЬ.

Быть-можетъ, предокъ мой былъ честнымъ
палачемъ:

Миѣ маки грезятся, согрѣтые лугомъ,
Гвоздики алыя, и, полныя угрозы,
Махрово-алчныя, раскрывшіяся розы.
Я вижу липли надъ зыбкою волной:
Окровавленные багряною Луной,
Они, забывъ свой цвѣтъ, безжизненно-усталый,
Мерцаютъ сказочно окраской ярко-алой,
И съ сладкимъ ужасомъ, въ застывшей тишинѣ,
Какъ губы тянутся, и тянутся ко миѣ.

И кровь поетъ во миѣ... И въ таинствѣ заклатья
Миѣ шепчуть призраки: «Скорѣе! Къ намъ въ
объятя!

«Цѣлуй меня... Меня!.. Скорѣй... Меня... Меня!..»

И губы жадныя, на шабашъ свой маня,

Лепечуть страшныя призывныя признанья:

«Намъ все позволено... Намъ въ мірѣ нѣтъ изгнанья..»

«Мы всюду встрѣтимся... Мы нужны для тебя..»

«Подъ краснымъ Мѣсяцемъ, огни лучей дробя,

«Мы объяснимъ тебѣ всё бездны наслажденья,

«Всѣ тайны вѣчности и смерти и рожденья».

И кровь поетъ во мнѣ. И въ зыбкомъ полуснѣ
Тѣ звуки съ красками сливаются во мнѣ.
И близость новаго, и тайнаго чего-то,
Какъ пропасть горная, на склонѣ поворота,
Меня баюкаетъ, и вкрадчиво зоветъ,
Туманомъ огненнымъ окутанъ небосводъ,
Мой разумъ чувствуетъ, что мнѣ, при видѣ крови,
Весь мѣръ откроется, и все въ немъ будетъ вновь,
Смѣются маки мнѣ, пронзенные лучомъ...
Ты слышишь, предокъ мой? Я буду палачомъ!

Я СБРОСИЛЪ ЕЕ.

Я сбросилъ ее съ высоты,
И чувствовалъ тяжесть паденья.
Колдунья прекрасная! Ты
Придешь, но придешь—какъ видѣнье!

Ты мучить не будешь меня,
А радовать страшной мечтою,
Созданіе тьмы и огня,
Съ проклятой твоей красотою!

Я буду лобзать въ забытыи,
Въ безумствѣ кошмарнаго пира,
Румяныя губы твои,
Кровавыя губы вампира!

И если я прежде былъ твой,
Теперь ты мое привидѣнье,
Тебя я страшнѣе—живой,
О, тѣнь моего наслажденья!

Лежи, искаженнымъ комкомъ,
Обломокъ погибшаго зданья.
Ты больше не будешь врагомъ...
Такъ помни, мой другъ: Досвиданья!

С К И Θ Ы.

Мы блаженные соимы свободно кочующихъ скиеовъ,
Только воля одна намъ превыше всего дорога.
Бросивъ замокъ Ольвійскій съ его изваяньями
грифовъ,
Отъ врага укрываясь, мы всюду настигнемъ врага.

Нѣтъ ни капищъ у насъ, ни боговъ, только зыбкія
тучи
Отъ востока на западъ молитвеннымъ свѣтятъ
лучомъ.

Только богу войны темный хворостъ слагаемъ мы
въ кучи,
И вершину тѣхъ кучъ украшаемъ желѣзнымъ
мечомъ.

Саранчей мы летимъ, саранчей на чужое нагрянемъ,
И безстрашно насытимъ мы алчныя души свои.
И всегда на врага тетиву безъ ошибки натянемъ,
Напитавши стрѣлу смертоносною желчью змѣи.

Налетимъ, прошумимъ, и врага повлечемъ на арканѣ,
Безъ оглядки стремимся къ другой непочатой странѣ:
Наше счастье—война, наша вѣрная сила—въ колчанѣ,
Наша гордость—въ незнающемъ отдыха быстромъ
конѣ.

ВЪ ГЛУХІЕ ДНИ.

Преданіе.

Въ глухіе дни Бориса Годунова,
Во мглѣ Россійской пасмурной страны,
Толпы людей скитались безъ крова,
И по ночамъ всходило двѣ луны.

Два солнца по утрамъ свѣтило съ неба,
Съ свирѣпостью на дольний міръ смотря.
И вопль протяжный: «Хлѣба! Хлѣба! Хлѣба!»
Изъ тьмы лѣсовъ стремился до царя.

На улицахъ изсохшіе скелеты
Щипали жадно чахлую траву,
Какъ скоть,—озвѣрены и неодѣты,
И сны осуществлялись наяву.

Гроба, отяжелѣвшіе отъ гнили,
Живымъ давали смрадный адскій хлѣбъ,
Во рту у мертвыхъ сѣно находили,
И каждый домъ былъ сумрачный вертепъ.

Отъ бурь и вихрей башни низвергались,
И небеса, таясь межъ тучъ тройныхъ,
Внезапно краснымъ свѣтомъ озарялись,
Являя битву воинствъ неземныхъ.

Невиданныя птицы прилетали,
Орлы парили съ крикомъ надъ Москвой,
На перекресткахъ, молча, старцы ждали,
Качая посѣдѣвшей головой.

Среди людей блуждали смерть и злоба,
Узрѣвъ комету, дрогнула земля.
И въ эти дни Димитрій всталъ изъ гроба,
Въ Отрепьева свой духъ переселя.

ОПРИЧНИКИ.

Когда опричники, веселые, какъ тигры,
 По слову Грознаго, среди толпы рабовъ,
 Кровавыя затѣивали игры,
 Чтобъ увелчить полчище гробовъ,—

Когда невинныхъ жгли и рвали по суставамъ,
 Перетирали ихъ цѣпями пополамъ,
 И въ добавленье къ царственнымъ забавамъ,
 На женъ и дѣвъ ниспосылали срамъ,—

Когда, обливъ шута горячею водою,
 Его добилъ ножомъ осирѣпѣвшій царь,—
 На небесахъ, своею чередою,
 Созвѣзды улыбаются какъ встарь.

Лишь только эта мысль въ душѣ блеснетъ случайно,
 Я слѣпну въ бѣшенствѣ, мучительно скорбя.

О, если міръ—божественная тайна,
 Онъ каждый мигъ—клеветаетъ на себя!

СМЕРТЬ ДИМИТРІЯ КРАСНАГО.

Преданіе.

Нѣтъ, на Руси бывали чудеса,
Не меньшія, чѣмъ въ отдаленныхъ странахъ.
Къ намъ также благосклонны Небеса,
Есть и для насъ мерцанія въ туманахъ.

Я расскажу о чудѣ старыхъ дней,
Когда, опустошая нивы, доли,
Врываясь въ села шайками тѣпей,
Терзали насъ безчинные моголы.

Жилъ въ Галичѣ тогда несчастный князь,
За красоту былъ званъ Димитрій Красный.
Незримая межъ нимъ и Небомъ связь
Въ кончинѣ обозначилась ужасной.

Смерть странная была ему дана.
Онъ вдругъ, безъ всякой видимой причины,
Лишился вкуса, отдыха и сна,
Но никому не сказывалъ кручины.

Кровь изъ носу безъ устали текла,
 Быть приобщень хотѣлъ Святыхъ онъ Таинъ,
 Но страшная на немъ печать была:
 Вкругъ рта—все кровь, и онъ глядѣлъ—какъ
 Каннъ.

Толпилися бояре, позабывъ
 Себя—предъ ликомъ горькаго злосчастья.
 И вотъ ему, молитву сотворивъ,
 Заткнули поздри, чтобы дать причастье.

Димитрій успокоился, притихъ,
 Вздохнувъ, заснулъ, и всѣмъ казался мертвымъ.
 И пѣкій сонъ, но не изъ сновъ земныхъ,
 Виталъ надъ этимъ трупомъ распростертымъ.

Оплакали бояре мертвеца,
 И крѣпкаго они испивши меда,
 На лавкахъ спать легли. А у крыльца
 Росла толпа безмолвнаго народа.

И вдругъ одинъ бояринъ увидалъ,
 Какъ, шевельнувъ чуть зримо волосами,
 Мертвецъ, покровъ содвинувъ, тихо всталъ,—
 И началъ пѣть съ закрытыми глазами.

И въ ужасѣ, среди полночной тьмы,
Бояре во дворець народъ впустили.
А мертвый, стоя, бѣлый, пѣлъ псалмы,
И толковалъ значенье русской были.

Онъ пѣлъ три дня, не открывая глазъ,
И возвѣстилъ грядущую свободу,
И умеръ какъ святой, въ разсвѣтній часъ,
Внушая ужасъ блѣдному народу.

СКОРПИОНЪ.

Я окруженъ огнемъ кольцеобразнымъ,
Онъ близится, я къ смерти присужденъ,—
За то, что я родился безобразнымъ,
За то, что я зловѣщій скорпионъ.

Мои враги глядятъ со всѣхъ сторонъ,
Кошмаромъ роковымъ и неотвязнымъ,—
Нѣтъ выхода, я смертию окруженъ,
Я пламенемъ стѣсненъ многообразнымъ.

Но вотъ, хоть все ужаснѣй для меня
Дыханья неотступнаго огня,
Однимъ порывомъ полонъ я, безбольнымъ.

Я гибну. Пусть. Я вызовъ шлю судьбѣ.
Я смерть свою нашелъ въ самомъ себѣ.
Я гибну скорпиономъ—гордымъ, вольнымъ.

* * *

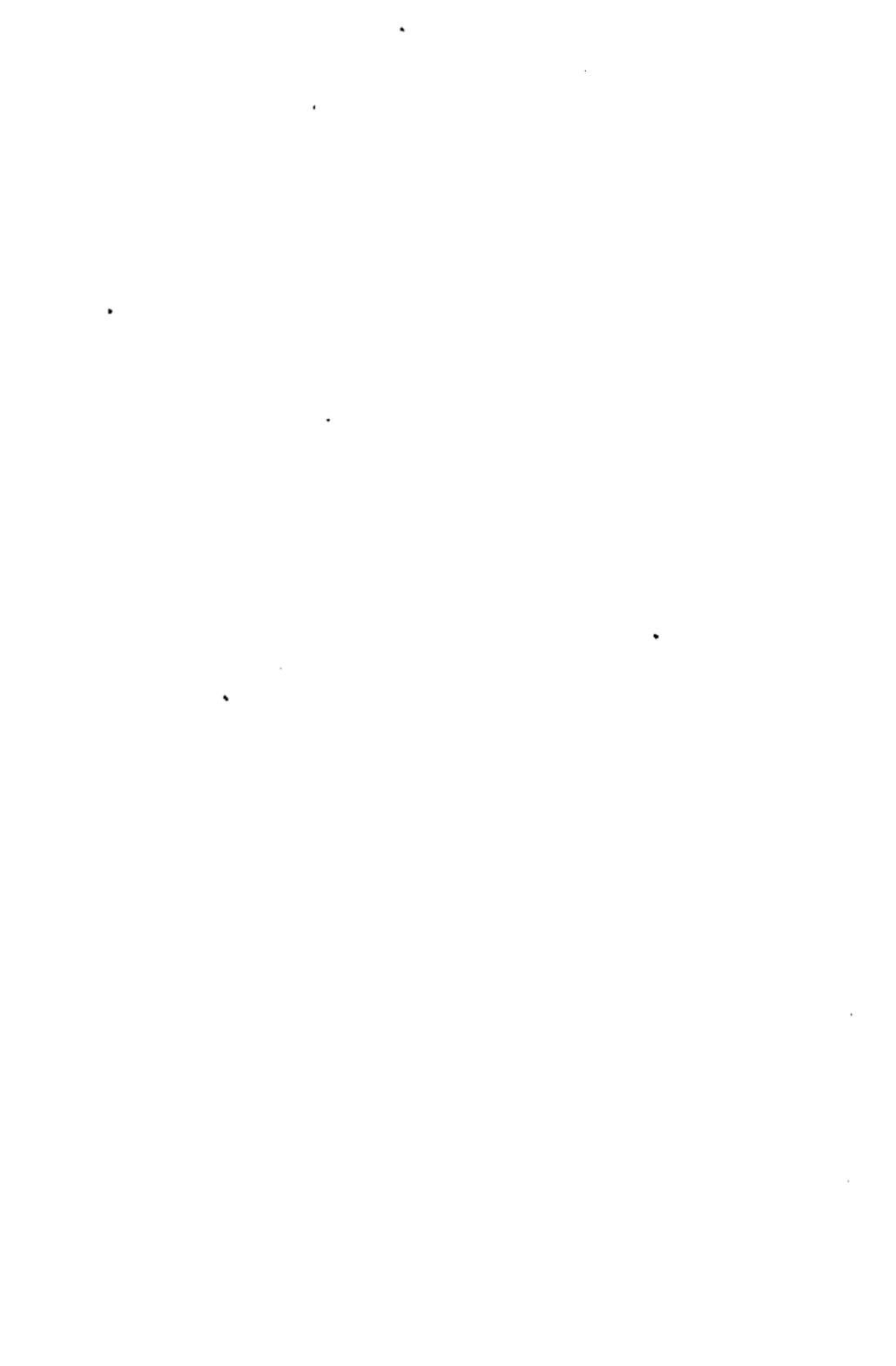
Я люблю далекій слѣдъ—отъ весла,
Мнѣ отрадно подойти—вплоть до зла,
И его не совершивъ—посмотрѣть,
Какъ костерь, вдали, за мной—будетъ тлѣть.

Если я въ мечтѣ поджегъ—города,
Пламя зарева со мной—навсегда.
О, мой братъ! Поэтъ и царь—сжегшии Рима!
Мы сжигаемъ, какъ и ты—и горимъ!

АНГЕЛЫ ОЩАЛЬНЫЕ.

And seem a saint, when most I play the devil.
King Richard III.

Кажусь святымъ, роль дьявола играя.
Ричардъ Третій.

АНГЕЛЫ ОПАЛЬНЫЕ.

Ангелы опальные,
 Свѣтлые, печальные,
 Блески погребальные
 Тающихъ свѣчей;—
 Грустные, безбольные,
 Звоны колокольные,
 Отзвуки невольные,
 Отсвѣты лучей;—
 Взоры полусонные,
 Нѣжные, влюбленные,
 Дымкой окаймленные,
 Тонкія черты,—
 То мои несмѣлые,
 То воздушно-бѣлые,
 Сладко-онѣмѣлые,
 Легкіе цвѣты.

Чувственно-неясныя,
 Дѣвственно-прекрасныя,
 Въ страстности безстрастныя,
 Тайны и слова;—
 Шорохъ приближенія,

Радость отраженія,
Нѣжный грѣхъ внушенія,
Дышащій едва;—
Зыбкія и странныя,
Вкрадчиво-туманныя,
Въ смѣлости нежданныя,
Проблески огня,—
То мечты, что встрѣтятся
Съ тѣми, къѣмъ отмѣтятся,
И опять засвѣтятся
Эхомъ для меня!

СЛОВА ЛЮБВИ.

Слова любви, не сказанныя мною,
Въ моей душѣ горять и жгутъ меня.
О, если-бъ ты была рѣчной волною?
О, если-бъ я былъ первой вспышкой дня!
Чтобъ я, скользя въ чуть видимымъ сіяньемъ,
Въ тебя проникъ дробящейся мечтой,—
Чтобъ ты, моимъ блеснувъ очарованьемъ,
Жила своей подижной красой!

О П Я Т Ь.

Я хотѣлъ бы тебя заласкать вдохновеніемъ,
 Чтобъ мои надъ тобой трепетали мечты,
 Какъ стремится ручей мелодическимъ пѣніемъ
 Заласкать наклонившихся лицій цвѣты,
 Чтобы съ каждымъ нахлынувшимъ новымъ мгновеніемъ
 Ты шептала: «Опять! Это—ты! Это—ты!»

О, я буду воздушнымъ и пѣжно-внимательнымъ,
 Буду вкрадчивымъ,—только не бойся меня,
 И къ непознаннымъ снамъ, такъ желанно-желательнымъ,
 Мы уйдемъ, чрезъ сліяніе ночи и дня,
 Чтобъ угаданный свѣтъ былъ какъ будто гадательнымъ,
 Чтобъ мы оба зажглись отъ того же огня.

Я тебя обожгу поцѣлуемъ томительнымъ,
 Несказаннымъ—однимъ—поцѣлуемъ мечты,
 И блаженство твое будетъ сладко-медлительнымъ,
 Между ночью и днемъ, у завѣтной черты,
 Чтобъ, закрывши глаза, ты въ восторгѣ мучительномъ
 Прошептала: «Опять! Ахъ, опять! Это—ты!»

СРЕДИ КАМНЕЙ.

Я шель по выжженному краю
Какихъ-то сказочныхъ дорогъ.
Я что-то думалъ, что, не знаю,
Но что не думать—я не могъ.

И полумертвыя руины
Полузабытыхъ городовъ
Безмолвны были, какъ картины,
Какъ голосъ памятныхъ годовъ.

Я вспоминалъ, я уклонялся,
Я измѣнялся каждый мигъ,
Но ближе-ближе наклонялся
Ко мигъ мой собственный двойникъ.

И утомительно мелькали
Съ полуослѣпшей высоты,
Изъ тьмы руинъ, изъ яркой дали,
Неговорящiе цвѣты.

Но на крутомъ внезапномъ склонѣ,
Среди камней, я понялъ вновь,
Что дышетъ жизнь въ нѣмомъ затонѣ,
Что есть бессмертная любовь.

БЕЛЛАДОННА.

Счастье души утомленной—

Только въ одномъ:

Быть какъ цвѣтокъ полусонный
 Въ блескѣ и шумѣ дневномъ,
 Внутреннимъ свѣтомъ свѣтиться,
 Все позабыть, и забыться,
 Тихо, но жадно упиться
 Тающимъ сномъ.

Счастье ночной белладонны—

Лаской убить.

Взоры ея полусонны,
 Любо ей день позабыть,
 Свѣтомъ луны расцвѣчаться,
 Сердцемъ съ луною встрѣчаться
 Тихо подъ вѣтромъ качаться,
 Въ смерти любить.

Другъ мой, мы оба устали.

Радость моя!

Радости нѣтъ безъ печали
 Между цвѣтами—змѣя.
 Кто же съ душой утомленной,
 Вспыхнетъ мечтой полусонной
 Кто расцвѣтетъ белладонной,—
 Ты или я?

Я БУДУ ЖДАТЬ.

Я буду ждать тебя мучительно,
Я буду ждать тебя года,
Ты манишь сладко-исключительно,
Ты обещаешь навсегда.

Ты вся—безмолвіе несчастія,
Случайный свѣтъ во мглѣ земной,
Неизъясненность сладострастія,
Еще непознаннаго мной.

Своей усмѣшкой вѣчно-краткою,
Лицомъ всегда склоненнымъ ницъ,
Своей неровною покладкою
Крылатыхъ, но не ходкихъ птицъ,

Ты будишь чувства тайно-спящія,—
И знаю, не затмишь слеза
Твои куда-то прочь глядящія,
Твои невѣрные глаза.

Не знаю, хочешь ли ты радости,
Уста къ устамъ, прильнуть ко мнѣ,
Но я не знаю высшей сладости,
Какъ быть съ тобой наединѣ.

Не знаю, смерть-ли ты неожиданная,
Иль нерожденная звѣзда,
Но буду ждать тебя, желанная,
Я буду ждать тебя всегда.

НѢЖНѢ ВСЕГО.

Твой смѣхъ прозвучалъ, серебристый,
 НѢжнѣй, чѣмъ серебряный звонъ,—
 НѢжнѣе, чѣмъ ландышъ душистый,
 Когда онъ въ другого влюбленъ.

НѢжнѣй, чѣмъ признанье во взглядѣ,
 Гдѣ въ часъте желанья зажглось,—
 НѢжнѣе, чѣмъ свѣтлыя пряди
 Внезапно упавшихъ волосъ.

НѢжнѣе, чѣмъ блескъ водоема,
 Гдѣ слитное пѣніе струй,—
 Чѣмъ пѣсня, что съ дѣтства знакома,
 Чѣмъ первой любви поцѣлуй.

НѢжнѣе того, что желанно
 Огнемъ волшебства своего,—
 НѢжнѣе, чѣмъ польская панна,
 И, значить, нѢжнѣе всего.

ВОЛНА.

Набѣгаетъ, уходитъ, и снова, свѣтясь, возвращается,
 Улыбается, манитъ, и плачетъ съ притворной борьбой,
 И украдкой слѣдить, и обманно съ тобою проща-
 ется,—

И мелькаетъ, какъ кружево, пѣна во мглѣ голубой.
 О, волна, подожди! Я уйду за тобой!
 О, волна, подожди! Но отхлынуть прибой.

Серебристыя нити отъ новой луны засвѣчаются.
 Все вольнѣй и воздушнѣй—уплывшему въ даль
 кораблю.

И лучистыя волны встрѣчаются, тихо качаются,
 Выростаетъ незримое рабство, я счастливъ, я сплю.
 И смѣется волна: «Я тебя утоплю!
 «Утоплю, потому что безмѣрно люблю!»

О С Е Н Ъ .

Вы умрете, стебли травъ,
Вы вершинами встрѣчались,
Въ легкомъ вѣтрѣ вы качались,
Но, блаженства не видавъ,
Вы умрете, стебли травъ.

Въ роцѣ шелестъ, шорохъ, свистъ
Тихій, ровный, заглушенный,
Отдаленно-приближенный.
Умираетъ каждый листъ,
Въ роцѣ шелестъ, шорохъ, свистъ.

Сонно падаютъ листы,
Смутно шепчутся вершины,
И березы и осины.
Съ измѣненной высоты
Сонно падаютъ листы.

ОТЦВѢЛИ.

Отцвѣли—о, давно!—отцвѣли орхидеи, мимозы,
Сновидѣнья нагрѣтыхъ и душныхъ и влажныхъ
тепицъ.

И въ пространствѣ, застывшемъ, какъ мертвенный
цвѣтъ туберозы,
Чуть скользятъ очертанья поблекшихъ разлюблен-
ныхъ лицъ.

И блѣднѣютъ, и тонуть въ душѣ, гдѣ развалины
дремлютъ,
Въ этой безднѣ, гдѣ много, гдѣ все пробѣгаетъ
на мигъ,
Въ переходахъ, гдѣ звукамъ ихъ отзвуки, вторя, не
внемлютъ,
Гдѣ одинъ для меня сохранился немеркнуцій ликъ.

Этотъ образъ, въ созвучіи странномъ съ душою
моею,
Въ этомъ ликѣ мы оба съ тобою узнаемъ себя,
О, мечта, чьей улыбки ни ждать, ни желать я не
смѣю,
Но кого я люблю, но кого вспоминаю, любя.

Я люблю съ безупречною нѣжностью духа и брата,
Я люблю, какъ звѣзду отдаленная любить звѣзда,
Какъ цвѣтокъ, что еще не растратилъ въ душѣ
аромата,
Я съ тобой—я люблю—я съ тобой—разлучень—
навсегда.

ЗАМОКЪ ДЖЭНЪ ВАЛЬМОРЪ.

Баллада.

1.

Въ старинномъ замкѣ Джэнъ Вальморъ,
 Красавицы надменной,
 Толпятся гости съ давнихъ поръ,
 Въ тоскѣ безперемѣнной:
 Во взоръ ея лишь бросишь взоръ,
 И ты навѣки плѣнный.

2.

Красивы замки старыхъ лѣтъ.
 Зубцы ихъ сѣрыхъ башенъ,
 Какъ будто льютъ чуть зримый свѣтъ,
 И страненъ огъ и страшенъ,
 Нѣмымъ огнемъ былыхъ побѣдъ
 Ихъ гордый ликъ украшенъ.

3.

Мосты подъемные и рвы,—
 Замкнутыя владѣнья.
 Здѣсь ночью слышенъ крикъ совы,
 Здѣсь бродятъ привидѣнья.
 И страненъ вздохъ сѣдой травы
 Въ часъ луннаго затмѣнья.

4.

Въ старинномъ замкѣ Джэнь Вальморъ
 Чуть ночь—звучать баллады.
 Поеть струна, встаетъ укоръ,
 А гдѣ-то водопады,
 И дологъ гулъ окрестныхъ горъ,
 Отвѣтствуютъ громады.

5.

Сегодня день рожденья Джэнь.
 Часы тяжелымъ боемъ
 Сзываютъ всѣхъ, кто взять ей въ шлѣнь,
 И вотъ проходятъ роємъ
 Красавцы, Гроль, и Ральфъ, и Свенъ,
 По сумрачнымъ покоямъ.

6.

И нѣжныхъ дѣвъ сосѣднихъ горъ
 Здѣсь ярко блещутъ взгляды,
 Эрглэнъ, Линоръ,—и ясенъ взоръ
 Пышиноволосой Ады,—
 Но всѣхъ прекраснѣй Джэнь Вальморъ,
 Въ честь Джэнь звучатъ баллады.

7.

Пѣвучій танецъ заструилъ
 Медлительныя чары.
 Пусть будетъ съ милой кто ей миль,
 И вотъ кружатся пары.
 Но богъ любви движеньемъ крыль
 Сердцамъ готовитъ кары.

8.

Да, взоръ одинъ на путь измѣнъ
 Всѣхъ манитъ неустанно.
 Все въ жизни—дымъ, все въ жизни—тлѣнъ,
 А въ смерти все туманно.
 Но ради Джэнъ, о, ради Джэнъ,
 И смерть сама желанна.

9.

Бьетъ полночь.—«Полночь!»—Звучный хоръ
 Проигль балладу ночи.—
 «Безпечныхъ дней цвѣтной узоръ
 «Быль длинень, сталъ короче».—
 И вотъ у гордой Джэнъ Вальморъ
 Блеснули странно очи.

10.

Въ полночный садъ зоветъ она
 Безумныхъ и влюбленныхъ,
 Тамъ нѣжно царствуетъ луна
 Межъ елей полусонныхъ,
 Тамъ дышетъ нѣжно тишина
 Среди цвѣтовъ склоненныхъ.

11.

Они идутъ, и садъ молчитъ,
 Прохлада надъ травою,
 И только здѣсь и тамъ кричитъ
 Сова надъ головою,
 Да въ замкѣ музыка звучитъ
 Прощальною мольбою.

12.

Идутъ. Но вдругъ одинъ пропалъ,
 Какъ блѣдное видѣнье,
 Другой холоднымъ камнемъ сталъ,
 А третій—какъ растенье.
 И обнялъ всѣхъ незримый валъ
 Волнениемъ измѣненья.

13.

Подъ желтой дымною луной,
 Въ саду съ травой сѣдою,
 Безумцы, пестрой пеленой,
 И разной чередою,
 Одѣлись формою иной
 Предъ дѣвой молодою.

14.

Исчезли Гроль, и Ральфъ, и Свель
 Среди растений сада.
 Къ цвѣтамъ навѣкъ попали въ плѣнь
 Эргленъ, Линоръ, и Ада.
 Въ глазахъ зеленоглазой Джемъ—
 Змѣиная отрада.

15.

Она одна, окружена
 Тѣнями ей убитыхъ.
 Дыханіи много пьетъ она
 Изъ этихъ травъ излитыхъ.
 Въ ней—осень, ей нужна весна
 Восторговъ ядовитыхъ.

16.

И потому, сдается въ узоръ,
 Въ тоскѣ безнеремѣнной,
 Томятся души съ давнихъ поръ,
 Толпой навѣи-плѣнной,
 Въ старинномъ замкѣ Джемъ Вальморъ,
 Красавицы надменной.

ЧАРЫ МѢСЯЦА.

Медленные строки.

1.

Между скалъ, подъ властью мглы,
Снять усталые орлы.
Вѣтеръ въ пропасти уснулъ,
Съ моря слышенъ смутный гулъ.

Тамъ, надъ блѣдною водою,
Глянулъ мѣсяць молодой,
Волны темныя воззвалъ,
Въ морѣ вспыхнулъ мертвый валь.

Въ морѣ вспыхнулъ свѣтлый мостъ.
Ярко дышутъ брызги звѣздъ.
Мѣсяць ночь освободилъ,
Мѣсяць море побѣдилъ.

2.

Сводъ небесъ похолодѣлъ,
Мѣсяць міромъ овладѣлъ,
Жаднымъ свѣтомъ съ высоты
Тронулъ горные хребты.

Все безмолвно захватилъ,
 Вызвалъ духовъ изъ могилъ.
 Въ сѣрыхъ башняхъ, вдоль стѣны,
 Встали тѣни старины.

Встали тѣни и глядятъ,
 Страненъ ихъ недвижный взглядъ.
 Странно небо надъ водой,
 Властенъ мѣсяцъ молодой.

3.

Возлѣ башни, у стѣны,
 Гдѣ чуть слышенъ шумъ волны,
 Отдѣлился въ полумглѣ
 Бѣлый призракъ Джамилѣ.

Призракъ царственной княжны
 Вспомнить счастье, вспомнилъ сны,
 Все, что было такъ свѣтло,
 Что ушло—ушло—ушло.

Тотъ же воздухъ былъ тогда,
 Та же блѣдная вода,
 Тамъ, высоко надъ водой,
 Тотъ же мѣсяцъ молодой.

4.

Все слилось тогда въ одно
 Лучезарное звено.
 Какъ-то странно, какъ- то вдругъ,
 Все замкнулось въ яркій кругъ.

Надъ прозрачной мглой земли
 Небеса произнесли,
 Измѣняяся едва,
 Незабвенныя слова.

Море пѣло о любви,
 Говоря: «Живи! живи!»
 Но хотъ вспыхнулъ въ сердцѣ свѣтъ,
 Отвѣчало сердце: «Нѣтъ!»

5.

Возлѣ башни, въ полумглѣ,
 Плачетъ призракъ Джамилэ.
 Смотрять тѣни вдоль стѣны,
 Свѣтитъ мѣсяць съ вышины.

Все слышнѣй идетъ прибой
 Отъ равнины голубой,
 Отъ долины быстрыхъ водъ,
 Вѣчно мчащихся впередъ.

Волны яркія плывуть,
 Волны къ счастью зовуть,
 вспыхнетъ легкая вода,
 вспыхнувъ, гаснетъ навсегда.

6.

И еще, еще идутъ,
 И одни другихъ не ждутъ.
 Каждой данъ одинъ лишь мигъ,
 Съ каждой есть волна-двойникъ.

Можно только разъ любить,
 Только разъ блаженнымъ быть,
 Впитъ въ себя восторгъ и свѣтъ,—
 Только разъ, а больше—нѣтъ.

Камень падаетъ на дно,
 Дважды жить намъ не дано.
 Кто-жь придетъ къ тебѣ во мглѣ,
 Бѣлый призракъ Джамиля?

7.

Вотъ ужъ съ яркою звѣздой
 Гаснетъ мѣсяцъ молодой.
 Меркнетъ жадный свѣтъ его,
 Исчезаетъ колдовство.

Скучнымъ утромъ дышетъ даль,
Старой башнѣ почи жаль,
Камни сѣрые глядятъ,
Неподвиженъ мертвый взглядъ.

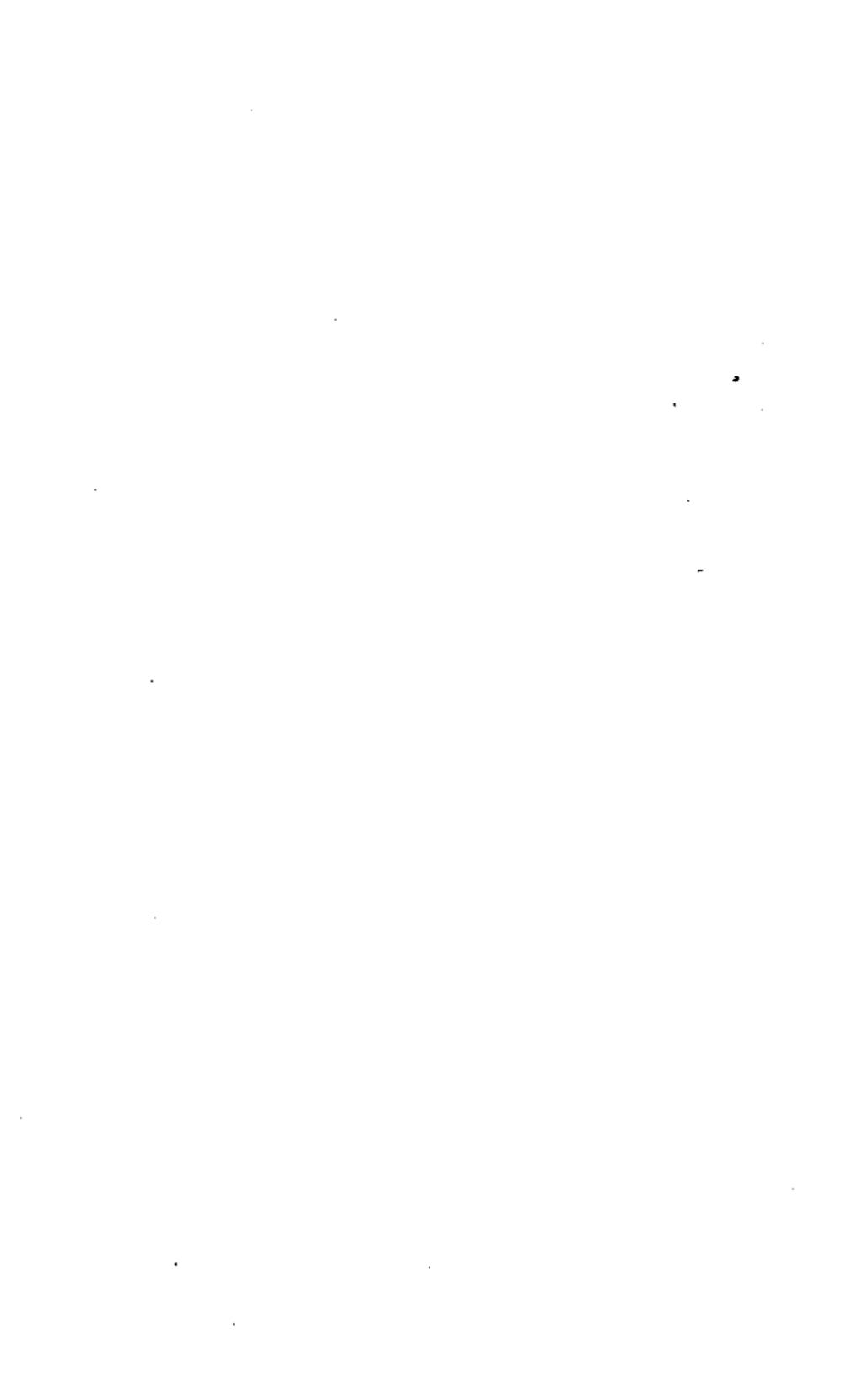
Вѣтеръ въ пропасти встаетъ,
Пѣсню скучную поетъ.
Между скалъ, подъ влагой мглы,
Просыпаются орлы.

* * *

Можно жить съ закрытыми глазами,
Не желая въ мірѣ ничего,
И навѣкъ проститься съ небесами,
И понять, что все кругомъ мертво.

Можно жить, безмолвно холодѣя,
Не считая гаснущихъ минутъ,
Какъ живетъ осенній лѣсъ, рѣдѣя,
Какъ мечты поблекшія живутъ.

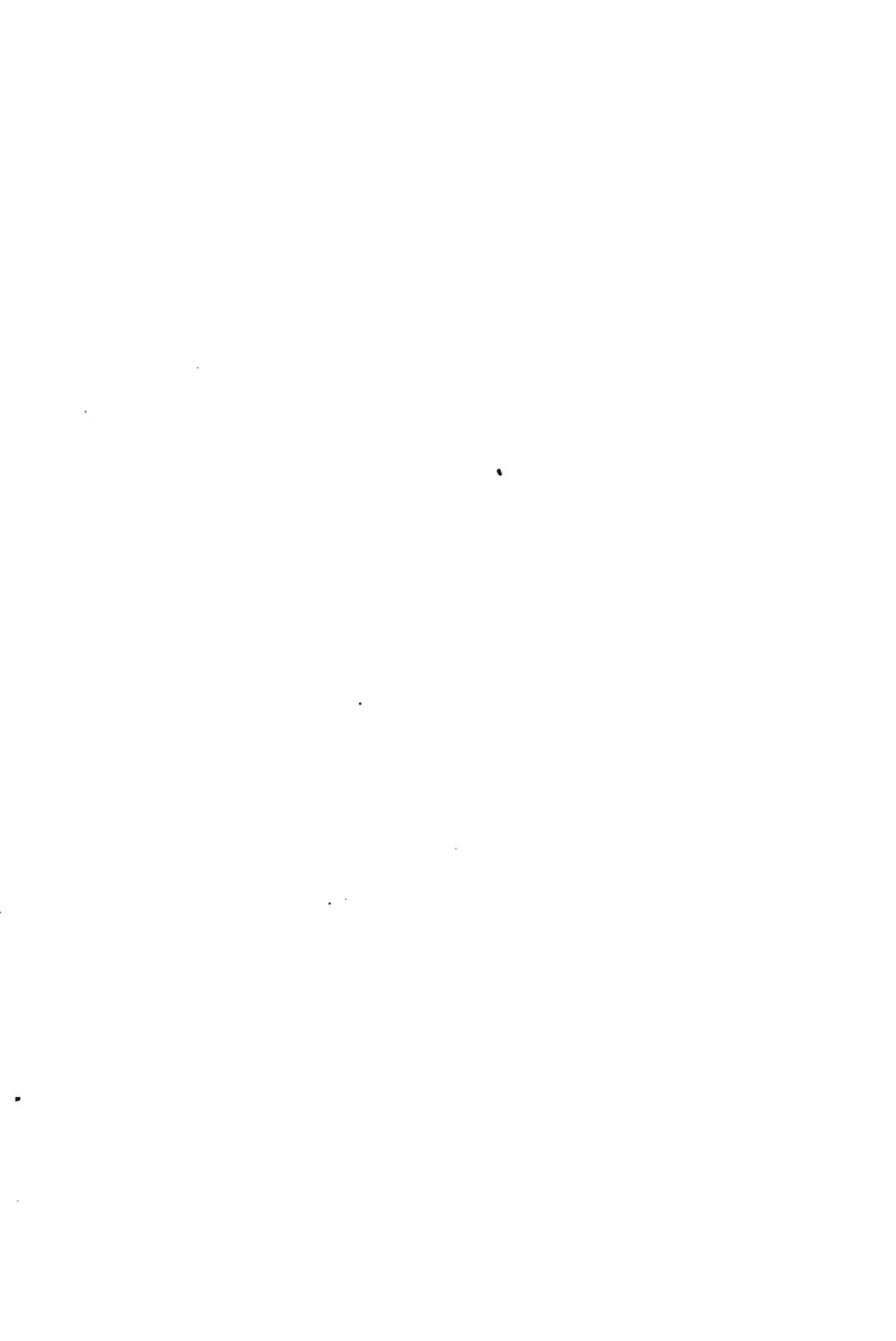
Можно все завѣтное покинуть,
Можно все безслѣдно разлюбить.
Но нельзя къ минувшему остыгнуть,
Но нельзя о прошломъ позабыть!

С О В Ъ С Т Ъ.

Je dis: Que cherchent-ils au Ciel, tous ces aveugles
Baudelaire.

Я говорю: Слепцы! Что нужно имъ отъ Неба?
Бодлеръ.

СУМРАЧНЫЯ ОБЛАСТИ.

Сумрачныя области совѣсти моей,
Чѣмъ же вы освѣтитесь на исходѣ дней,—
Сумраки отчаянья, дыма, и страстей?

Вы растете медленно, но какъ глыбы тучъ,
Вашъ провалъ безмолвія страшенъ и могучъ,
Вы грозите скрытою гибельностью кручь.

Послѣ дѣтства ровнаго съ прелестью луговъ,
Послѣ отысканія новыхъ береговъ,
Наши мысли гонять насъ, гонять, какъ враговъ.

Ни минуты отдыха, жизнь къ себѣ зоветъ,
Дышетъ глянцевитостью нашъ водоворотъ,
Ни минуты отдыха, дальше, все впередъ.

Чуть мечтой измѣряешь дальніе края,
Вотъ уже испорчена молодость твоя,
Стынетъ впечатлительность къ сказкамъ бытія.

И душой холодною, полной пустоты,
Въ жаждѣ новыхъ пряностей, новой остроты,
Тянешься, дотянешься до своей черты,

ПОДЪ ЯРМОМЪ.

Какъ подъ ярмомъ быки влекутъ тяжелый возъ,
И оставляютъ слѣдъ продольностью колесъ,
Такъ наши помыслы, намѣренья, дѣянья
За нами тянутся, готова горечь слезъ,
И боль, и ужасы, и пламя покаянья,—
Они накопятся, и, рухнувъ, какъ утесъ,
Глухими гулами ворвутся къ намъ въ сознанье,
Какъ крикъ раскаянья, какъ вопль воспоминанья.

ЛѢСНОЙ ПОЖАРЪ.

Стараясь выбирать тѣнистыя мѣста,
 Я ѣхалъ по лѣсу, и эта красота
 Деревьевъ, дремлющихъ въ полуденномъ покоѣ,
 Какъ бы недвижимо купающихся въ зноѣ,
 Меня баюкала, и въ душу мнѣ проникъ
 Дремотныхъ помысловъ мерцающій родникъ.
 Я вспомнилъ молодость... Обычныя мновешья
 Надеждъ, павности, влюбленности, забвенья,
 Что свѣтитъ пламенемъ воздушно-голубымъ,
 И превращается внезапно въ черный дымъ.

Зачѣмъ такъ памятно, гнѣвою пеленою,
 Видѣнья юности, вы встали предо мною?
 Уйдите. Мнѣ нельзя вернуться къ чистотѣ,
 И я уже не тотъ, и вы уже не тѣ.
 Вы только призраки, вы горькіе упреки,
 Терзанья совѣсти, просроченные сроки.
 А я двойникъ себя, я всадникъ на конѣ,
 Безцѣльно ѣдущій—куда? Кто скажетъ мнѣ!
 Все помню... Старый садъ... Цвѣты... Чуть дышутъ
 вѣтки...

Тамъ счастье плакало въ заброшенной бесѣдкѣ,
 Тамъ кто-то былъ съ лицомъ, въ которомъ боли
 нѣтъ.

Съ лицомъ моимъ—увы—моимъ въ шестнадцать
лѣтъ.

Неподражаемо-стыдливыя свиданья,
Любви несознанной огонь и трепетанья,
Слова, поющія въ душѣ лишь въ тѣ года,
«Люблю», «Я твой», «Твоя», «Мой милый», «Навсегда».
Какъ сладко вмѣстѣ быть! Какъ страшно сѣсть съ
ней рядомъ!

Какъ можно выразить всю душу быстрымъ взгля-
домъ!

О, сказкой ставшая, поблекнувшая была!

О, крылья бабочки, съ которыхъ стерлась пыль!

Темнѣй ложится тѣнь, сокрытъ густымъ навѣсомъ
Родной мой старый садъ, смѣненный дикимъ лѣсомъ.
Невинный шопотъ сновъ, ты сердцемъ позабытъ,
Я слышу грубый звукъ, я слышу стукъ копытъ.
То голосъ города, то гулъ глухихъ страданій,
Рожденныхъ сумракомъ нѣмыхъ и тяжкихъ зданій.
То голосъ призраковъ, замученныхъ тобой,
Кошмаръ, исполненный уродливой борьбой,
Живое кладбище блуждающихъ скелетовъ
Съ гвилымъ роскошествомъ заученныхъ отвѣтовъ,
Очагъ, въ чью пасть идутъ хлѣба съ кровавыхъ
нивъ,

Гдѣ слабымъ мѣста нѣтъ, гдѣ силенъ тотъ, кто
лживъ.

Но тамъ есть счастье—уйти безповоротно,
 Душой своей души, къ тому, что мимолетно,
 Что свѣтитъ радостью много бытія,
 Мечтать, искать, и ждать,—какъ сдѣлалъ это я.
 Мигъ грезилъсь міры, рожденные мечтою,
 Я землю осѣнялъ своею красотою,
 Я всѣхъ любилъ, на все склонялъ свой чуткій взоръ,
 Но мракъ ужь двинулся, и шелъ ко мигъ, какъ воръ.

Мигъ стыдно плоскости печальныхъ приключеній,
 Вселенной жаждать я, а мой вампирный гений
 Былъ просто женщиной, познавшей лишь одно,
 Красивой женщиной, привыкшей пить вино.
 Она такъ медленно раскидывала сѣти,
 Мы веселились съ ней, мы были съ ней какъ дѣти,
 Пронизанъ солнцемъ былъ ласкающій туманъ,
 И я на шеѣ вдругъ почувствовалъ арканъ.
 И пьянство дикое, чумной порокъ Россіи,
 Съ непобѣдимостью властительной слѣди,
 Меня низринуло съ лазурной высоты
 Въ провалы низости, тоски, и нищеты.

Иди, иди, мой конь. Страшать воспоминанья.
 Хочу забыть себя, убить самосознанье.
 Что пользы вспоминать теперь, передъ концомъ,
 Что я случайно былъ и мужемъ, и отцомъ,
 Что хоронилъ дѣтей, что иногда, случайно...

О, нѣтъ, молчи, молчи! Пусть лучше эта тайна
 Умретъ въ тебѣ самомъ, какъ умерло давно,
 Что было такъ свѣтло судьбой тебѣ дано.
 Но гдѣ я? Что со мной? Вокругъ меня завѣса
 Непроницаемо-запутаннаго лѣса,
 Повсюду—острые и цѣпкіе концы
 Вѣтвей, изогнутыхъ и сжатыхъ, какъ щипцы,
 Они назойливо царапаютъ и ранятъ,
 Дорогу застятъ мнѣ, глаза мои туманятъ,
 Встаютъ преградою смутившемуся дню,
 Ложатся подъ ноги взывавшему коню.
 Я вижу чудища за ветхими стволами,
 Они слѣдятъ за мной, мигаютъ мнѣ глазами,
 Съ кривой улыбною.—Послѣдній лучъ исчезъ.
 Враждебнымъ ропотомъ и смѣхомъ полонъ лѣсъ.
 Вершины шорохомъ окутались растущимъ,
 Какъ бы предчувствіемъ предъ сумрачнымъ грядущимъ.

И тучи зыбкія, на небѣ голубомъ,
 Съ змѣистой молніей роидають гуль и громъ.
 Ударъ, еще ударъ, и вотъ вблизи, палѣво,
 Исполненъ ярости и мстительнаго гнѣва,
 Взметнулся огненный пылающій языкъ.
 Въ сухомъ валежникѣ какъ будто чей-то крикъ,
 Глухой и сдавленный, раздался на мгновенье,
 И замеръ. И кругомъ, вездѣ—огонь, шипѣнье.

Деревьевъ-факеловъ кипящій дымный адъ,
И бури бѣшеной раскатистый набатъ.
Порвавши поводъ, средь чаднаго тумана,
Какъ бы охваченный прибоемъ оксана,
Мой конь несетъ меня, и странно-жутко мнѣ
На этомъ взмыленномъ испуганномъ конѣ.
Лѣсной пожаръ гудитъ. Я понялъ предвѣщанье.
Передъ душой моею вы встали на прощанье,
О, тѣни прошлаго!—Простите же меня,
На страшномъ рубежѣ, средь дыма и огня!

РАЗСВѢТЪ.

Медленные строки.

Я помню... Ночь кончалась,
 Какъ-будто таялъ дымъ.
 И какъ она смѣялась
 Разсвѣтомъ голубымъ.

Безмолвно мы разстались,
 Чужіе навсегда.
 И больше не видались.
 И канули года.

И память измѣняла,
 Тебя я забывалъ.
 Изъ блѣднаго бокала
 Блаженство допивалъ.

И новыми огнями
 Себя я ослѣпцлъ.
 И дни ушли за днями,
 И жизнь я вновь любилъ.

Не жизнь, а прозябанье
 Въ позорномъ полуснѣ:
 Я пилъ безъ колебанья,
 Искалъ мечты въ винѣ.

И вотъ хохочутъ струны,
Безчинствуешь порокъ,
И всѣ душою юны:
Разсвѣтъ еще далекъ.

Смѣлѣешь опьяненье,
И сердцу жизнь смѣшна.
Растаяли сомнѣнья,
Исчезла глубина.

И крѣпко спать упреки.
И манять вновь и вновь—
Подкрашенные щеки,
Поддѣльная любовь.

И мигъ забвенья длится,
И царствуетъ вино...
Но кто это глядится
Сквозь дальнее окно?

Но кто это смущаетъ
Туманностью лица
И молча возвѣщаетъ,
Что правдѣ нѣтъ конца?

То чудится мнѣ снова,
Въ послѣдній мигъ утѣхъ,
Разсвѣта голубого
Нѣмой холодный смѣхъ.

И пляшущія тѣни
Застыли, отошли.
Я вижу вновь ступени,
Забытыя вдали.

И все, чѣмъ жилъ когда-то,
Я снова полюбилъ.
Но больше нѣтъ возврата
Къ тому, чѣмъ прежде былъ.

Зловѣщая старуха,
Судьба глядитъ въ окно.
И кто-то шепчетъ глухо,
Что я погибъ давно.

ДЫМЪ.

Мы начинаемъ дни свои
Среди цвѣтовъ и мотыльковъ,
Когда прозрачные ручьи
Бѣгутъ межъ узкихъ береговъ.
Мы дѣтство празднуемъ смѣясь,
Подъ небомъ близкимъ и роднымъ,
Мы видимъ пламя каждый часъ,
Мы видимъ свѣтлый дымъ.

И по теченью мы идемъ,
И стаи пестрыя стрекозъ,
Подъ солнцемъ, точно подъ дождемъ,
Свѣваютъ брызги свѣтлыхъ слезъ.
И по теченью мы слѣдимъ
Мельканья косвенныя рыбъ,
И точно легкій темный дымъ,
Подводныхъ травъ изгибъ.

Счастливый путь. Прозрачна даль.
Закатный часъ еще далекъ.
Быть-можетъ—близокъ. Намъ не жаль.
Горить и западъ и востокъ.
И мы простились съ нашимъ днемъ,
И мы, опомнившись, глядимъ,
Какъ въ небѣ темноглубомъ
Плыветъ кровавый дымъ.

И ПЛЫЛИ ОНИ.

И плыли они безъ конца, безъ конца,
Во мракѣ, но съ жаждою свѣта,
И ужасъ внезапный объялъ ихъ сердца,
Когда дождалися отвѣта.

Огонь появился предъ взорами ихъ,
Въ обрывѣ лазури туманной.
И былъ онъ прекрасенъ, и ровенъ, и тихъ,
Но ужасъ объялъ ихъ неожиданный.

Какъ тѣни слѣпья, закрывши глаза,
Сидѣли они засыпая.
Хоть спали—не спали, имъ снилась гроза,
Глухая гроза и слѣпая.

Закрытыя вѣки дрожали едва,
Но свѣтъ имъ былъ виденъ сквозь вѣки.
И вѣчность раздвинулась, грозно-мертва:
Все рѣки, безмолвныя рѣки.

На лонѣ растущихъ чернѣющихъ водъ
Зажегся пожаръ безпредѣльный.
Но спящіе призраки плыли впередъ,
Дорогой прямой и безцѣльной.

И каждый, какъ дремлющій духъ мертвеца,
Качался въ сверкающемъ дымѣ,
И плыли они безъ конца, безъ конца,
И путь свой свершили—слѣпыми.

СКРИЖАЛИ.

Мы раздроблённыя скрижали.

Случевскій.

Какъ же Міръ не распадется,
Если онъ возникъ случайно?
Какъ же онъ не содрогнется,
Если въ немъ начало — тайна?

Если гдѣ-нибудь, за Міромъ,
Кто-то мудрый Міромъ править,
Отчего же мой духъ, вампиромъ,
Сатану поетъ и славить?

Смерть свою живымъ питаетъ,
Любитъ шабашъ преступленья,
И кошмары создаетъ
Въ ликованьи изступленья.

А едва извѣдавъ низость,
И насытившись позоромъ,
Снова вѣрять въ чью-то близость,
Ищетъ свѣта тусклымъ взоромъ.

Такъ мы всё идемъ къ чему-то,
Что для насъ непостижимо.
Дверь завѣтная замкнута,
Мы скользимъ, какъ тѣнь отъ дыма.

Мы отъ всѣхъ путей далеки,
Мы вездѣ найдемъ печали.
Мы—запутанныя строки,
Раздробленныя скрижали.

НА МОТИВЪ ИЗЪ ЗЕНДЪ - АВЕСТЫ.

Змѣи темно-желтый, чье дыханье—ядъ,
 Чей смертоносенъ вѣчно-жадный взглядъ,
 Глядитъ,—и близъ него дрожатъ блудница,
 Волшебная и быстрая, какъ птица.

Онъ мучаетъ, онъ жалитъ безъ конца,
 Цвѣтъ жизни прогоняетъ онъ съ лица.
 Ея душа его душой могуча,
 Шатается, качается, какъ туча.

Гаома желтый, выточн копье,
 Пронзи мое глухое забытье,
 Я, темный, жду, какъ крогъ, во мракѣ роясь,
 Тебѣ Mazdao далъ псядннй поясъ.

Гаома желтый, чистыхъ мыслей другъ,
 Закуй меня въ алмазно-твердый кругъ,
 Направь свое оружье на блудницу,
 Убей скорѣи уклончивую птицу.

Гаома желтый, сильный сынъ Земли,
 Моей мольбѣ мучительной внемли,
 Я падаю, я падаю, нѣмѣя,
 Скорѣи убей чудовищнаго змѣя.

КОНЕЦЪ МИРА.

Начало жизни, это—утро мая,
 Ея конецъ—отравленный родникъ.
 Предсмертнымъ бурямъ вѣчности внимая,
 Духъ человѣка въ ужасѣ поникъ.

Въ устахъ, ко лжи привыкшихъ, сдавленъ
крикъ.

Позоръ паденья ярко понимая,
 Умъ видитъ алчныхъ духовъ адскій ликъ.
 Тоска—вездѣ—навѣкъ—тоска нѣмая.

Могильнымъ блескомъ вспыхнулъ сѣрный зной,
 И души, какъ листы цвѣтовъ лѣсные,
 Горять,—кипятъ, свиститъ пожаръ лѣсной.

И сводъ небесъ, какъ куполъ вырѣзной,
 Не звѣздами закрился впервые,
 А гниlostью, насмѣшкой надъ весной.

ВЪ АДУ.

Если, медленно падая,
 Капли жгучей смолы,
 Мучителей-демоновъ радуя,
 Оттѣняютъ чудовищность мглы,—

Мнѣ всегда представляется,
 Будто вновь я живу,
 И сердце мое разрывается,
 Но впервые—мнѣ все—наиву.

Вижу всю преисподнюю,
 Боль растетъ и не ждетъ.
 Но славлю я благодать Господнюю!
 Это было! Онъ въ адъ снизойдетъ!

Эта мгла—не обманная,
 Лжи въ страданіяхъ нѣтъ.
 Привѣтъ новизнѣ! О, желанная!
 Буду мучиться тысячи лѣтъ!

СТРАНА НЕВОЛИ.

Verdugo es mi pensamiento.

Calderon.

Моя мысль — палачь.

Кальдеронъ.

СТРАНА НЕВОЛИ.

Coat-an-die, Coat-an-nos.
Bois du jour, bois de la nuit.

Villiers.

Я попалъ въ страну Неволн. Буду ночью,—всюду
лѣсъ.

Буду днемъ,—и сѣть деревьевъ заслоняетъ глубь
небесъ.

Въ ограниченномъ пространствѣ, межъ вершинами
и мной,

Лишь летучія свѣтлянки служатъ солнцемъ и луной.
Промелькнутъ, блеснутъ, исчезнутъ,—и опять зеле-
ный мракъ,

И не знаешь, гдѣ дорога, гдѣ раскрывшійся оврагъ.
Промелькнутъ, сверкнутъ, погаснутъ,—и на мигъ въ
душѣ моей,

Точно зовъ, но зовъ загробный, встанетъ память
прошлыхъ дней.

И тогда въ узорахъ вѣтокъ ясно вижу предъ собой
Письмена нѣмыхъ проклятій, мигъ нашептанныхъ
судьбой.

О, безбрежность, неизбѣжность непонятнаго пути!

Если каждый шагъ—ошибка, кто же мнѣ велѣлъ
идти?

Развѣ я своею волей въ этомъ сказочномъ лѣсу?

Развѣ я не задыхаюсь, если въ сердцѣ грѣхъ несу?

Развѣ мнѣ не страшно биться между спутанныхъ
вѣтвей?

Врагъ? Откликнись! Нѣтъ отвѣта, нѣтъ луча душѣ
моей.

И своимъ же восклицаньемъ я испуганъ въ горькій
мигъ,—

Если кто мнѣ отзовется, это будетъ мой двойникъ.

А во тьмѣ такъ страшно встрѣтить очеркъ блѣднаго
лица.

Я попалъ въ страну Невали...

Нѣтъ конца.

ВЪ ДУШАХЪ ЕСТЬ ВСЕ.

1.

Въ душахъ есть все, что есть въ небѣ, и
много иного.

Въ этой душѣ создалось первозданное Слово!
Гдѣ, какъ не въ ней,
Замыслы встали безмѣрною тучей,
Нѣжность возникла услугой гѣвучей,
Совѣсть, свѣтильникъ опасный и жгучій,
Вспышки и блески различныхъ огней,—
Гдѣ, какъ не въ ней,
Бури проносятся мысли могучей!
Въ этихъ кошмарныхъ глубинахъ пространства,
Гдѣ создаю я и снова создамъ
Звѣзды, одѣтыя блескомъ убранства,
Вѣчно идущихъ по тѣмъ же путямъ,—
Пламенный знакъ моего постоянства.
Небо—въ душевной моей глубинѣ,
Тамъ, далеко, еле зримо, на днѣ.
Дивно и жутко—уйти въ запредѣльность,
Страшно мнѣ въ пронасть души заглянуть,
Страшно—въ своей глубинѣ утонуть.

Все въ ней слилось въ безконечную цѣльность,
Только душѣ я молитвы пою,
Только одну я люблю безпредѣльность,
Душу мою!

2.

Но дикій ужасъ преступленія,
Но искаженные черты,—
И это все твои видѣнія,
И это—новый—страшный—ты?

Въ тебѣ рождается величіе,
Ты можешь бурями гремять,
Изъ блѣдной бездны безразличія
Извлечь и золото и мѣдь

Зачѣмъ же ты взметаешь пыльное,
Мутишь свою же глубину?
Зачѣмъ ты любишь все могильное,
И всюду сѣешь смерть одну?

И въ равнодушіи надменности,
Свой духъ безмѣрно возлюбя,
Ты создаешь оковы плѣнности:
Мечту—рабу самой себя?

Мое недѣланье для всѣхъ
 Покажется больнымъ.
 Проникновенный тихій смѣхъ
 Развѣется какъ дымъ.
 А буду смѣль,—замучу тѣхъ,
 Кому я былъ роднымъ.

Пустынной полночью зимы
 Я слышу вой волковъ,
 Среди могильной душной тьмы
 Хрипѣнье стариковъ,
 Гнилые хохоты чумы,
 Кровавый бой враговъ.—

Забытый раненый солдатъ,
 И стая хищныхъ птицъ,
 Отца косою на сына взглядъ,
 Развратный гуль столицъ,
 Толпы глупцовъ, безумный рядъ
 Животно-мерзкихъ лицъ.—

И что же? Я-ли создалъ ихъ?
 Или они меня?
 Поэтъ ли я, сложившій стихъ.
 Или побѣгъ отъ пня?
 Кто демонъ низостей моихъ
 И моего огня?

Отъ этихъ тигровыхъ страстей,
Змѣиныхъ чувствъ и думъ,—
Какъ стукъ кладбищенскихъ костей,
Въ душѣ зловѣщій шумъ,—
И я бѣгу, бѣгу людей,
Среди людей—самумъ.

* * *

Стучи, тебѣ откроютъ. Проси, тебѣ дадутъ.

— О, Боже! Для чего же назначень Страшный Судъ?

ВЪ ТЮРЬМѢ.

Мы лежимъ на холодномъ и грязномъ полу,
Присужденные къ вѣчной тюрьмѣ.

И упорно и долго глядимъ въ полумглу,—
Ничего, ничего въ этой тьмѣ!

Только зыбкіе отсвѣты блѣдныхъ лампадъ
Съ потолка устремляются внизъ.

Только длинныя шаткія тѣни дрожать,
Протянулись—качнулись—слились.

Позабыты своими друзьями, въ странѣ,
Гдѣ лишь варвары, звѣри да ночь,
Мы забыли о Солицѣ, звѣздахъ, и Лунѣ,
И никто намъ не можетъ помочь.

Насъ томительно стиснули стѣны тюрьмы,
Насъ желѣзное давить кольцо,
И какъ духи чумы, какъ рожденія тьмы,
Мы не видимъ другъ друга въ лицо!

ИЗБРАННЫЙ.

О, да, я Избранный, я Мудрый, Посвященный,
 Сынь Солнца, я—поэтъ, сынь разума, я—царь.
 Но предки за спиной, и духъ мой некаженный—
 Татуированный своимъ отцомъ дикарь.

Узоры пестрые прорѣзаны глубоко.
 Хочу ихъ смыть: нельзя. Умъ шепчетъ: перестань.
 И, съ дикимъ бѣшенствомъ, я въ омуты порока
 Бросаюсь радостно, какъ хищный звѣрь на лань.

Но, рынку дань отдавъ, его божбѣ и давкамъ,
 Я снова чувствую всю близость къ Божеству.
 Кого-то раздробивъ тяжелымъ томагавкомъ,
 Я мной убитаго съ отчаяньемъ зову.

РАНЕНЫЙ.

Я на смерть пораженъ своимъ сознаньемъ,
Я раненъ въ сердце разумомъ моимъ.
Я неразрывенъ съ этимъ мірозданьемъ,
Я создалъ міръ со всѣмъ его страданьемъ.
Струя огонь, я гибну самъ, какъ дымъ.

И понимая всю обманность чувства,
Игру тѣней, рожденныхъ въ мірѣ мной,
Я, какъ поэтъ, постигнувшій искусство,
Не восхищенъ своею глубиной.

Я сознаю, что грѣхъ, и тьма во взорѣ,
И тощ болотъ, и сипій небосклонъ,
Есть только мысль, есть призрачное море,
Я чувствую, что эта жизнь есть сонъ.

Но, видя въ жизни знакъ безбрежной воли
Создатель, я созданьемъ не любимъ.
И, весь дрожа отъ нестерпимой боли,
Живя у самого себя въ неволѣ,
Я раненъ на смерть разумомъ моимъ.

ПРОКЛЯТІЕ ГЛУПОСТИ.

Увѣче, помѣшательство, чахотка,
Падучая, и бездна всякихъ золъ,
Какъ части міра, я терплю васъ кротко,
И даже въ васъ я таинство нашелъ.

Для тѣхъ, кто любить чудищъ, все находка,
Иной среди звѣрей всю жизнь провелъ,
И какъ для закоснѣлыхъ пьяницъ—водка,
Въ гармоніи мнѣ дорогъ произволь.

Люблю я въ мірѣ скрипъ всемірныхъ осей,
Крикъ коршуна на сумрачномъ откосѣ,
Дорогъ житейскихъ рытвины и гать.

На всеъ своя—для взора—позолота.
Но мерзокъ сердцу обликъ ідіота,
И глупости я не могу понять!

УРОДЫ.

Я горько васъ люблю, о, бѣдные уроды,
 Слѣпорожденные, хромые, горбуны,
 Убогіе рабы, не знавшіе свободы,
 Лады, разбитыя веселостью волны.

И вы мнѣ дороги, мучительные сны
 Жестокой матери, безжалостной Природы,
 Кривыя кактусы, побѣги бѣлены,
 И змѣи и ящерицъ отверженные роды.

Чума, проказа, тьма, убійство, и бѣда,
 Гоморра и Содомъ, слѣпые города,
 Надежды хищныя съ раскрытыми губами,—

О, есть же и для васъ въ молитвѣ череда!
 Во имя Господа, блаженнаго всегда,
 Благословляю васъ, да будетъ счастье съ вами!

БАБОЧКА.

Залетѣвшая въ комнату бабочка бьется
О прозрачныя стекла воздушными крыльями
А за стеклами небо родное смѣется,
И его не достигь никакими усильями.

Но смириться нельзя, и она не сдается,
Изъ цвѣтистой становится тусклою, блѣдною.
Что же плѣнницѣ дѣлать еще остается?
Только биться и блекнуть! О, жалкая. бѣдная!

ЗАКОЛДОВАННАЯ ДѢВА.

Въ день октября, иначе листопада,
 Когда бесплодѣмъ скована земля,
 Шла дѣва чрезъ пустынные поля
 Невѣрная, она съ душой номада
 Соединяла дивно-чуткій слухъ:
 Въ прекрасно-юномъ тѣлѣ ветхій духъ.

Ей внятенъ былъ звукъ вымершихъ проклятій,
 Призывы отгѣсняемыхъ враговъ,
 И ропоть затопленныхъ береговъ,
 Намекъ невоплотившихся зачатій,
 Напѣвъ міровъ, толпящихся окрестъ,
 Дрожанія незасвѣченныхъ звѣздъ.

Но дѣва съ утомленными глазами,
 Внимая всѣмъ, кричащимъ вокругъ нея,
 Летѣла безмолвіе свое.
 Понявъ одно за всѣми голосами,
 Безгласно холодѣла, какъ земля,
 И шла впередъ, чрезъ мертвыи поля,

* * *

Сквозь міръ случайностей, къ живому роднику,
Идя по жгучему и гладкому песку,
По тайнымъ лѣстницамъ взбираясь къ высотѣ,
Крылатымъ коршуномъ повисши въ пустотѣ,—
Мой духъ измѣнчивый стремится каждый мигъ,
Все шцетъ, молится: «О, гдѣ же мой родникъ?
«Весь міръ случайностей отдамъ я за него,
«За оправданіе мечтанья моего,
«За радость впить въ себя огни его лучей,
«За исцѣленіе отъ старости моей».

ВОЗЛЪ ДЫМА И ОГНЯ.

¿ Quién sois vos que hablais ansi?

— Un compuesto de contrarios.

Tirso de Molina.

Кто ты, чтобъ такъ говорить?

— Сложность противорѣчій.

Tirso de Molina.

КУЗНЕЦЪ.

Ты видала кузнеца?
Онъ мнѣ нравится, мой другъ.
Этотъ темный цвѣтъ лица,
Эта мѣткость жесткихъ рукъ,
Эта близость отъ огня,
Этотъ молотъ, этотъ стукъ,—
Все въ немъ радуется мени,
Милый другъ!

Я хочу быть кузнецомъ,
Я, работая, пою,
Съ запылившимся лицомъ
Я смотрю на жизнь мою,
Возлѣ дыма и огня
Много словъ я создаю,
Въ этомъ радость для меня,—
Я кую!

ВЫШЕ, ВЫШЕ.

Я коснулся душъ чужихъ,
Точно струнь, но струнь моихъ.
Я въ нихъ чутко всколыхнулъ
Тихій звонъ, забытый гуль.

Все обычное прогналъ,
Легкимъ стономъ простоналъ,
Бросилъ съ неба имъ цвѣты,
Вызвалъ радугу мечты.

И по облачнымъ путямъ,
Свѣтлымъ преданный страстямъ,
Сочетаньемъ звучныхъ строкъ
За собою ихъ увлекъ.

Трепетаньемъ звонкихъ крыль
Отуманилъ, опьянилъ,
По обрывамъ ихъ помчалъ,
Забавокалъ, закачалъ.

Выше, выше, все за мной,
Насладитесь вышиной,
Попадитесь въ сѣть мою,
Я пою, пою, пою.

ДУХЪ ВОЛНЫ.

Я слушалъ море много лѣтъ,
 Свой духъ ему предавъ,
 Въ моихъ глазахъ мерцаетъ свѣтъ
 Морскихъ подводныхъ травъ.

Я отдалъ морю сонмы дней,
 Я отдалъ ихъ сполна,
 И съ каждой пѣсней все слышнѣй
 Въ моихъ словахъ—волна.

Волна стозвучная того,
 Чѣмъ полонъ Океанъ,
 Гдѣ все—и юно, и мертво,
 Все правда и обманъ.

И я, какъ духъ волны морской,
 Среди людей брожу;
 Своей пѣвучею тоской
 Я всѣхъ заворожу.

Огнемъ зелено-сѣрыхъ глазъ

Мнѣ чаровать дано.

И много душъ въ завѣтный часъ

Я увлеку на дно.

И въ этой мглѣ морского дна,

Нѣжнѣй, чѣмъ воды рѣкъ,

Имъ будетъ сниться вышина,

Погибшая навѣкъ.

ВѢНЧАНІЕ.

Надъ невѣстой молодою
 Я держалъ вѣнецъ.
 Любовался, какъ мечтою,
 Этой нѣжной красотою,
 Этой легкою фатою,
 Этимъ свѣтлымъ «Наконецъ!»

Наконецъ она сумѣла
 Вызвать лучшей сонъ.
 Все смѣялось въ ней и пѣло,
 А съ церковнаго придѣла,
 Съ высоты на насъ глядѣла
 Красота нѣмыхъ оконъ.

Мы вошли въ лучахъ привѣта,
 Гаснущей зари.
 Въ мигъ желаннаго обѣта,
 Насъ ласкали волны свѣта,
 Какъ безгласный звукъ завѣта:—
 «Я горю, и ты горн!»

И въ рукѣ у новобрачной
 Теплилась свѣча,
 Но за ней, мечтою мрачной,
 Неумѣстной, неудачной,
 Надъ фатой ея прозрачной,
 Я склонялся, у плеча.

Вкругъ святого аналая
 Трижды путь пройденъ.
 Нѣтъ, не будетъ вамъ покоя,
 Будутъ дни дождей и зноя,
 Я пою, за вами стоя:—
 «Духъ кружиться присужденъ!»

Да, я знаю сладость, алость,
 Нѣжность влажныхъ губъ.
 Но еще вѣрнѣй усталость,
 Ожиданье, запоздалость,
 вмѣсто страсти—только жалость,
 вмѣсто ласки—съ трупомъ трупъ.

Вотъ, свершенъ обрядъ вѣнчальный,
 И закатъ погасъ.
 Точно хаосъ изначальный,
 Въ церкви сонъ и мракъ печальный.
 Ты вошла съ зарей прощальной,
 Ты выходишь въ темный часъ.

ВО ВЛАСТИ ВСѢХЪ ВЕЩЕЙ.

Я дѣлаюсь мгновеньями во власти всѣхъ вещей,
И съ каждымъ я, предъ каждымъ я, и царственно
ничей.

Восторгъ придетъ, — и пьяный я. Придетъ тяжелый
трудъ.

Смотрите: всѣ бѣжали прочь. Взгляни: я, вѣрный,
туть.

Заблудшую собаку я увижу предъ собой,
Со звѣремъ звѣрь, люблю ее. Но, сердце, дальше!
Пой!

О, пой о всѣхъ, кто чувствовалъ бездонную тоску,
И вдругъ вернись къ безстрастию, какъ свѣтлый
дождь въ рѣку.

Въ великое Безликое уйди какъ бы навѣкъ,
Хотя безъ насъ тамъ каждый часъ такъ много-
много рѣкъ.

И, вѣчно твой, всегда съ тобой, не измѣню судьбѣ.
Но въ страшный мигъ, о, милый другъ, я не приду
къ тебѣ.

БРЕТАНЬ.

Затянуть мглой свинцовый небосводъ,
Угрюмы волны призрачной Бретани,
Семь острововъ Аръ-Гентилесъ-Руссотъ,
Какъ звѣри, притаилися въ туманѣ.

Они какъ бы подвижны въ океанѣ,
По прихоти всегда невѣрныхъ водъ.
И, полный изумленья, въ видѣ дани,
На нихъ свой свѣтъ неясный мѣсяць льетъ.

Какъ сонмы лицъ, глядятъ толпы утесовъ,
Сѣдыхъ, застывшихъ въ горечи тоски,
Безплодны безконечные пески.

Ихъ было много, сумрачныхъ матросовъ.
Они идутъ. Гляди! Въ тиши ночной
Идутъ туманы блѣдной пеленой.

УТОПЛЕННИКИ.

Лишь только тамъ, на западѣ, въ туманѣ,
Утонетъ свѣтъ поблекнувшаго дня,
Мои мечты, какъ мертвые въ Бретани,
Неумолимо бродятъ вокругъ меня.

Надежды, осужденныя заранѣ,
Признанія, умершія—стена,
Утопленники въ темномъ океанѣ,
Погибшіе навѣкъ изъ-за меня.

Они хотятъ, въ забвеніе обиды,
Молитвъ заупокойной панихиды.
Моихъ молитвъ, о, Боже, не отринь!—

Ушли. Любовь! Лишь ты уйти не хочешь!
Ты медлишь? Угрожаешь мнѣ? Пророчишь?
Будь проклята! Будь проклята! Аминь!

ПРОПОВѢДНИКАМЪ.

Есть много струй въ подлунномъ этомъ мірѣ,
Ключи поютъ въ пещерахъ, гдѣ темно,
Звеня, какъ духъ, на семиструнной лирѣ,
О томъ, что духамъ пѣнье суждено.

Намъ въ звонахъ наслажденіе одно,
Мы духи струнъ мірскихъ на шумномъ пирѣ,
Но вамъ, врагамъ, понять насъ не дано,
Для рѣкъ въ разливѣ надо русла шире.

Жрецы элементарныхъ теоремъ,
Проповѣдей вы ждете отъ поэта?
Я проповѣдь скажу на благо свѣта,—

Не скукой словъ, давно извѣстныхъ всѣмъ,
А звучной полногласностью сонета,
Не найденной пока еще никѣмъ!

ХВАЛА СОНЕТУ.

Люблю тебя, законченность сонета,
 Съ надменною твоею красотою,
 Какъ правильную четкость слуха
 Красавицы изысканно-простой,

Чей станъ воздушный, съ грудью молодой.
 Хранить сіянье матоваго свѣта,
 Въ волнѣ волосъ недвижно-золотой,
 Чьей пышностью она полуодѣта.

Да, истинный сонетъ таковъ, какъ ты,
 Пластическая радость красоты,—
 Но иногда онъ мститъ своимъ напѣвомъ.

И не однажды въ сердце поражалъ
 Сонетъ несущій смерть, горящій гнѣвомъ,
 Холодный, острый, мѣткій, какъ кишкаль.

Я НЕ ИЗЪ ТѢХЪ.

Я не изъ тѣхъ, чье имя легионъ,
 Я не изъ царства духовъ безымянныхъ.
 Пройдя пути среди равнинъ туманныхъ,
 Я увидалъ безбрежный небосклонъ.

Въ моихъ зрачкахъ—лишь мнѣ понятный сонъ,
 Въ нихъ мiръ видѣній зыбкихъ и обманныхъ,
 Такихъ же безъ конца непостоянныхъ,
 Какъ дымка, что скрываетъ горный склонъ.

Ты думаешь, что въ тающихъ покровахъ
 Застыль едва одинъ-другой утесъ?
 Гляди: покровъ раскрыть дыханьемъ грозъ.

И въ цѣни горъ, для ~~глаза~~ вѣчно-новыхъ,
 Какъ глетчеръ, я снѣга туда вознесъ,
 Откуда виденъ мiръ въ своихъ основахъ!

ОЖЕСТОЧЕННОМУ.

Я знаю ненависть, и, можетъ-быть, сильнѣй,
 Чѣмъ можетъ знать ее твоя душа больная,
 Несправедливая, и полная огней
 Тобою брошеннаго рая.

Я знаю ненависть къ звѣриному, къ страстямъ
 Слѣпой замкнутости, къ судьбѣ несправедливой,
 И къ этимъ тлѣющимъ кладбищенскимъ костямъ,
 Намъ даннымъ въ нашей жизни скудной.

Но, мучимый какъ ты, терзаемый года,
 Я связанъ былъ съ тобой безмолвнымъ договоромъ,
 И вижу, ты забылъ, что братъ твой былъ всегда
 Скорѣй разбойникомъ, чѣмъ воромъ,

Съ врагами—дерзкій врагъ, съ тобой—я вѣчно
 твой,

Я узнаю друзей въ одеждѣ запыленной.
 А ты, какъ леопардъ, укушенный змѣей,
 Своихъ терзаешь, изступленный!

ВЪ БАШНѢ.

Въ башнѣ съ окнами цвѣтными
 Я замкнулся навсегда,
 Дни бѣгутъ, и въ свѣтломъ дымѣ
 Возникають города,
 Замки, башни, и надъ ними
 Легкихъ тучекъ череда.

Въ башнѣ, гдѣ мои земные
 Дни окончатся должны,
 Окна радостно-цвѣтные
 Безъ конца внушаютъ сны,
 Эти стекла расписные
 Мнѣ самой судьбой даны.

Въ нихъ я вижу, какъ двѣ тѣни
 Обнимаются, любя,
 Какъ, упавши на колѣни,
 Кто-то молится, скорбя,
 Въ нихъ я вижу въ быстрой смѣнѣ
 Землю, небо, и себя.

Тамъ, за окнами, далеко,
 Съ непочатой вышины,
 Смотритъ огненное око
 Неба, Солнца, и Луны,
 Но окно мое высоко,
 То, что мнѣ внушаетъ сны.

То, межъ окнами цвѣтными,
На которое смотрю,
Въ часъ когда, какъ въ свѣтломъ дымѣ,
Я привѣтствую зарю,
И съ видѣньями родными
Легкой грезой говорю.

На другія обращаю
Въ часъ заката жадный взоръ,
Въ часъ, когда уходитъ къ раю
Тихій вечеръ на дозоръ,
И лепечетъ: «Обѣщаю,
«Вновь увидишь мой уборъ».

На другія я съ отрадой
Устремляю ночью взглядъ,
Въ часъ когда живетъ прохладой,
Полный вздоховъ, сонный садъ,
И за призрачной оградой
Свѣтляки межъ травъ горять.

Такъ живу, какъ въ свѣтломъ дымѣ
Огнецвѣтные цвѣты,
Надъ ошибками земными
Посмѣваясь съ высоты,
Въ башнѣ съ окнами цвѣтными
Переливчатой мечты.

КЪ ДАЛЬНЕМУ.

Замкнуться, какъ въ тюрьму, въ одну идею,
Я знаю этотъ сонъ, мой дальній братъ,
Я медленно, но вѣрно холодѣю,
И, разъ уйдя, я не приду назадъ.

Ты отошелъ въ страну безъ перемѣны,
Оставивши безвольно мѣръ земной,
А я себѣ свободно создалъ стѣны,
И упоенъ тюремной тишиной.

Есть въ жизни смерть, спокойная, какъ травы,
Хранимая, на память, за стекломъ,
Иссохшій знакъ утраченной забавы,
Пройденная эпоха, переломъ.

Сѣдья тѣсно сжатая видѣнья
До времени съ землей разлучены,
Они забыть не могутъ наслажденье,
И тайно дышутъ запахомъ весны.

Ихъ кто-то чуждый взялъ своей рукою,
И все жъ они блаженствуютъ года.
Такъ какъ же счастливъ я съ моей тоскою,
Полюбленной свободно—навсегда!

ОТЪ УМЕРШАГО КЪ ЖИВОМУ.

Скажи ему, что я его люблю,
 Что я его какъ прежде понимаю,
 И, какъ корабль къ чужому кораблю,
 Взываю въ часъ, когда я погибаю,—

Къ нему, къ нему, далекому навѣкъ,
 Бѣгущему по водамъ Океана,
 Чтобъ отдохнуть на устьяхъ мощныхъ рѣкъ,
 Средь стройныхъ мачтъ родного каравана,—

Межъ тѣмъ какъ я, свой образъ измѣнивъ,
 Несоразмѣривъ тяжести влекомой,
 Забывъ, что былъ и я, какъ онъ, красивъ,
 Склоняюсь къ безднѣ жутко-незнакомой,—

И вѣтры безучастные молю
 Протяжностью своихъ предсмертныхъ звоновъ...
 Скажи ему, что я его люблю
 За то, что онъ—не слышалъ этихъ стонувъ!

ОСТРОВЪ ВИЛІЭ-ЛЪЯВОЛА.

Гдѣ - то на островѣ Виліэ - Льявола,
 Души есть, лишь предъ собою преступныя,
 Богомъ забытыя, но недоступныя
 Обѣтованіямъ лживаго Дьявола.

Имъ захотѣлось разрыва гармоніи:—
 Цѣли испортивъ, упитъся причинами,
 Розы любя, въ ихъ живомъ благовоніи
 Смертью мѣняющей встать надъ долинами.

Смертью пытующей, въ вѣчномъ теченіи,
 Вѣчною казною казнить преходящее:—
 Все въ отдаленіи, все въ отвлеченіи,
 Яркое одно размышленье глядящее.

Вѣдаю, вы ко всему прикоснулись,
 Жадныя пчелы, стѣсенныя сотами!
 Что же вы тайны своей ужаснулись,
 Вы, окруженныя стройными гротами?

Жизнь разлюбившія, чувствомъ уставшія,
 Что же самимъ вы себѣ прекословите?
 Все усмѣхаясь, какъ что-то понявшія,
 Что жь бесполезное не остановите?

То вы мелькнете воздушною ризою,
 Свѣтлые души, съ улыбкой безпечною,
 То улыбаетесь съ Моною Лизою,
 Мірѣ осуждая съ игрой его вѣчною.

То прошумите вы звуками Шумапа,
 Стонами Манфреда, неукротимыми,
 Вновь упадете, все передумано,
 Снова смѣтаетесь надъ снами любимыми.

Кинетесь къ слову, кричите Верленами,
 И возвѣщаете сладость молчанія,
 Безперемѣнныя за перемѣнами,
 Мигъ вы мучительный, безъ окончанія.

Старость возвратная, вѣчность раскаянья,
 Для непостижности жертва закланная,
 Самосжиганіе, мудрость отчаянья,
 Противорѣчіе, правда обманная.

Безъ покровительства Бога и Дьявола,
 Вѣчно томитесь вы, снами недоступныя,
 О, неподкупныя, души преступныя,
 Гдѣ-то на островѣ Виліа-Льявола.

ПОСЛѢ БАЛА.

Весь полный розовыхъ и голубыхъ мечтаній,
 Овѣянъ душностью влюбляющихъ духовъ,
 Весь въ крыльяхъ бабочекъ, въ отливахъ трепетаній
 Полуисторгнутыхъ, но замедленныхъ словъ,—

Окутанъ звуками заученныхъ мелодій,
 Какъ будто созданныхъ мечтой лишь для того,
 Чтобъ убаюканнымъ шептаться на свободѣ,
 О томъ, что сладостиѣй и вкрадчивѣй всего,—

Весь воплощенная полуночная чара,
 Какъ пиръ среди чумы, манящій съ давнихъ поръ,
 Какъ странный вымыселъ безумнаго Эдгара,
 Для насъ пропѣвшаго навѣки *Nevermore*,—

Нашъ балъ, раскинутый по многошумнымъ заламъ,
 Уже закончилъ ликъ сокрытой красоты,
 И чѣмъ-то вѣяло холоднымъ и усталымъ
 Съ внезапно дрогнувшей надъ нами высоты.

Да, полночь отошла съ своею пышною свитой
 Проникновениѣйшихъ мгновений и часовъ,
 Отъ лостры здѣсь и тамъ упалъ хрусталь разбитый,
 И гулъ извнѣ вставалъ враждебныхъ голосовъ.

Измяты, желтизной подернулись лица,
Крыломъ изломаннымъ дрожали вѣера,
Въ сердцахъ у всѣхъ была дочитана страница
И новый въ окнахъ свѣтъ шепталъ: «Пора! Пора!»

И вдругъ всѣ замерли,—вотъ, скорбно доцвѣтають,
Стараяся продлить молчаньемъ забьтъе:—
Такъ утромъ демоны колдуній покидаютъ,
Сознавши горькое безсиліе свое.

РАЗЛУКА.

Разлука ты, разлука,
 Чужая сторона,
 Никто меня не любить,
 Какъ мать-сыра-земля.

Ляся бродяги.

Есть люди, присужденные къ скитаньямъ,
 Гдѣ бъ ни быть я,—я всѣмъ чужой, всегда.
 Я преданъ перемѣнчивымъ мечтаньямъ,
 Подвижнымъ, какъ текучая вода.

Передо мной мелькають города,
 Деревни, села, съ ихъ глухимъ страданьемъ,
 Но никогда, о, сердце, никогда
 Съ своимъ я не встрѣчался ожиданьемъ.

Разлука! Слѣдъ чужого корабля!
 Порывъ волны—къ другой волнѣ, несхожей.
 Да, я бродяга, топчущій поля.

Уставши повторять одно и то же,
 Я падаю на землю. Плачу. Боже!
 Никто меня не любить, какъ земля!

МОЛИТВА О ЖЕРТВѢ.

Пилой поющею подточень яркій стволь
 Еще не выжившей свой полный вѣкъ березы,
 На землю ниспровергъ ее не произволь,
 Не налетѣвшія прерывистыя грозы.

Она, прекрасная, отмѣчена была,
 Рукой сознательной для бытія иного:—
 Зажечься и горѣть,—блестя, сгорѣть до тла,—
 И въ помыслахъ людей тепломъ зажечься снова.

Но прежде, чѣмъ она зардѣетъ и сгоритъ,
 Ей нуженъ долгій путь, ей надо исказиться:—
 Расчетвертована, она измѣнитъ видъ,
 Блестящая кора, изсохнувъ, затемнится.

Подъ дымнымъ пламенемъ скоробится она,
 И соки жилъ ея проступать точно слезы,
 Побѣдно вспыхнетъ вдругъ, вся свѣту предана,—
 И огненной листвою одѣлся духъ березы!

Я съ жадностью смотрю на блескъ ея огня:—
 Какъ было ей дано, погибшей, освѣтиться!
 — Скорѣе, Господи, скорѣй, войди въ меня,
 И дай мнѣ почернѣть, изсохнуть, исказиться!

МИМОЛЕТНОЕ.

From isle to isle..

Shelley.

Отъ острова къ острову...

Шелли.

ЛѢСНЫЯ ТРАВЫ.

Я люблю лѣсныя травы

Ароматныя,

Поцѣлуи и забавы,

Невозвратныя.

Колокольныя призывы,

Отдаленныя,

Надъ ручьемъ уснувшимъ ивы,

Полусонныя.

Очертанья лицъ мелькнувшихъ,

Неизвѣстныя,

Тѣни сказокъ обманувшихъ,

Безтѣлесныя,

Все, что манить и обманеть

Насъ загадкою,

И навѣки сердце ранить

Тайной сладкою.

БЛѢДНАЯ ТРАВКА.

Блѣдная травка подѣ ветхимъ заборомъ
Къ жизни проснулась въ предутренній часъ,
Міру дивясь зеленѣющимъ взоромъ.
Блѣдная травка, ты радуешь насъ.

Мѣсяцу, воздуху, солнцу, и росамъ
Ты отдаешься, какъ свѣтлой судьбѣ,
Ты ни однимъ не смутишься вопросомъ,
Не задрожешь въ безысходной борьбѣ.

Чуть расцвѣтешь, и уже отцвѣтаешь,
Не доживешь до начала зимы.
Ты пропадаешь, но ты не страдаешь,
Ты умираешь отраднѣй, чѣмъ мы.

АРОМАТЪ СОЛНЦА.

Запахъ солнца? Что за вздоръ!
Нѣтъ, не вздоръ.
Въ солнцѣ звуки и мечты,
Ароматы и цвѣты
Всѣ слились въ согласный хоръ,
Всѣ сплелись въ одинъ узоръ.

Солнце пахнетъ травами,
Свѣжими купавами,
Пробужденною весной,
И смолистою сосной.

Нѣжно-свѣтлоткаными,
Ландышами пьяными,
Что побѣдно расцвѣли
Въ остромъ запахѣ земли.

Солнце свѣтитъ звонами,
Листьями зелеными,
Дышетъ вешнимъ пѣньемъ птицъ,
Дышетъ смѣхомъ юныхъ лицъ.

Такъ и молви всѣмъ слѣпцамъ:—
Будеть вамъ!
Не узрѣть вамъ райскихъ вратъ,
Есть у солнца ароматъ,
Сладко внятный только намъ,
Зримый птицамъ и цвѣтамъ!

ГЛУШЬ.

Лугъ—болото—поле—поле,
 Надъ рѣчонкой ивы.
 Сладко дышется на волѣ,
 Всѣ цвѣты красивы!

Все здѣсь нѣжитъ глазъ и ухо
 Ласкою веселой.
 Прожужжала гдѣ-то муха,
 Шмель гудитъ тяжелый.

Всюду—божія коровки,
 Розовыя кашки,
 Желто-бѣлыя головки
 Полевой ромашки.

Нѣжно-тонки очертанья
 Задремавшей дали...
 Полно, развѣ есть страданья?
 Развѣ есть печали?

ЗАТОНЪ.

Когда ты заглянешь въ прозрачныя воды затона,
 Подъ блѣдною ивой, при свѣтѣ вечерней звѣзды,
 Невнятный намекъ на призывъ колокольнаго звона
 Къ тебѣ донесется изъ замка хрустальной воды.

И ты, наклонившись, увидишь прекрасныя лица,
 Испуганнымъ взоромъ замѣтишь межъ ними себя,
 И въ сердцѣ твоёмъ за страницу вспыхнетъ
страница,
 Ты будешь читать ихъ, какъ духъ, не скорбя, не
любя.

И будутъ расти ото дна до поверхности влаги
 Узоры упрямо и тѣсно сплетенныхъ вѣтвей,
 И будутъ расти и мѣняться,—какъ призраки саги
 Ростуть, измѣняясь въ значеніи и въ силѣ своей.

И все, что въ молчаніи ночи волнуеть и манить,
 Что тайною чарой нисходитъ съ далекихъ планетъ,
 Тебя въ сочетанья свои завлечетъ—и обманетъ,
 И сердце забудеть, что съ ними слянія нѣтъ.

Ты руку невольно протянешь надъ соннымъ зато-
номъ,

И вмигъ все безслѣдно исчезнетъ,—и только вдали,
 Съ чуть слышной мольбою, съ какимъ-то заоблач-
нымъ звономъ,

Незримо порвется струна отъ небесъ до земли.

ПОСЛѢДНІЙ ЛУЧЪ.

Прорѣзавъ тучу, темную, какъ дымъ,
 Послѣдній лучъ, въ предчувствіи заката,
 Горитъ угрюмо,—онъ, что былъ живымъ
 Когда-то!

Тѣсною смутныхъ горъ враждебно сжата,
 Одна долина свѣтомъ золотымъ
 Еще живетъ, блистательно-богата.

Но блескъ ушелъ къ вершинамъ вѣковымъ,
 Гдѣ нѣтъ ни травъ, ни сновъ, ни аромата.
 — О, да, я помню! Да! я былъ живымъ,
 Когда-то!

ЗАКАТНЫЕ ЦВѢТЫ.

О, краски закатныя! О, лучи невозвратныя!
 Повисли гирляндами облака просвѣтленныя,
 Равнины туманятся, и лѣса необъятныя,
 Какъ-будто не жившіе, навсегда утомленные.

И розы небесныя, облака безтѣлесныя,
 На доли печальныя, на селенія бѣдныя,
 Глядятъ съ состраданіемъ, на безвѣстныхъ—
безвѣстныя,
 Поникшія, скорбныя, безотвѣтныя, блѣдныя!

РАВНИНА.

Необозримая равнина,
Неумолимая земля,
Лѣса, холмы, болота, тина,
Тоскливо-скудные поля.

Полгода—холодъ безпощадный,
Полгода—дождь и душный зной,
Расцвѣтъ природы безотрадной
Съ ея убогою весной.

Полупогаснувшіе взоры
Навѣкъ поблекшаго лица,
Неизреченные укоры,
Порабощенность безъ конца.

Невоплощенные зачатъя,—
О, трижды скорбная страна,
Твое названіе—проклятъе,
Ты навсегда осуждена.

МОЛЕБЕНЪ.

Темной толпою, въ часовнѣ убогой,
 Путь завершивъ, и предъ новой дорогой,
 Суетность нашу забывъ на мгновенье,
 Тупо мы слушаемъ сонное пѣнье.

Въ тѣсномъ пространствѣ, гдѣ духъ нашъ
 взростилъ

Тайное древо невидимыхъ силъ,
 Таесть вздыхающій дымъ отъ кадиль.

Что-то есть страшное въ этихъ бряцаньяхъ,
 Въ этихъ покорныхъ глухихъ восклицаньяхъ,
 Молятся звуки и души послушно,
 Что же имъ въ узкой часовнѣ такъ душно?

Явственно чувствую горькій упрекъ,
 Въ звуки молитвъ проскользнувшій на-
 мекъ—

Тайное слышащихъ, дышащихъ строкъ.

Въ потныя стекла не видно лазури,
 Въ дверь не проникнуть ни вѣтры, ни бури,
 Силою дней закопчены иконы,
 Вѣчны предъ ними безсильные стоны.

Грустно склонивши морщинистый лобъ,
 Что-то вѣщаетъ намъ загнанный полкъ:—
 «Жизнь наша—душная—темная...—Гробы!

ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ОДЕССЫ.

Узкая полоска синяго Лимана,
Желтая пустыня выжженныхъ песковъ.
Городъ, измѣненный дымкою тумана,
Медленныя тѣни бѣлыхъ облаковъ.

Чахлая трава, измученная зноемъ,
Вдоль прямой дороги сѣрые столбы.
Все здѣсь дышетъ скучнымъ тягостнымъ
покоемъ,
Всюду здѣсь недвижность пасмурной судьбы

Только вѣчный вѣтеръ носится безцѣльно,
Душнымъ дуновеньемъ, духомъ мергвца.
Только облака проходятъ безпредѣльно,
Скучною толпой проходятъ безъ конца.

ВОСПОМИНАНИЕ

О вечерѣ въ Амстердамѣ.

Медленные строки.

О, тихій Амстердамъ,
Съ пѣвучимъ перезвономъ
Старинныхъ колоколенъ!
Зачѣмъ я здѣсь,—не тамъ,
Зачѣмъ уйти не воленъ,
О, тихій Амстердамъ,
Къ твоимъ церковнымъ звонамъ,
Къ твоимъ, какъ бы усталымъ,
Къ твоимъ, какъ бы затонамъ,
Загрязившимъ каналамъ,
Съ безжизненнымъ ихъ лономъ,
Съ закатомъ запоздалымъ,
И ласковымъ, и алымъ,
Горящимъ здѣсь и тамъ,
По этимъ соннымъ водамъ,
По сумрачнымъ мостамъ,
По окнамъ и по сводамъ
Домовъ и колоколенъ,

Гдѣ, преданный мечтамъ,
Какой-то призракъ боленъ,
Упрекъ сдержать не воленъ,
Тоскуеть съ долгимъ стономъ,
И вѣчнымъ перезвономъ
Поеть и здѣсь и тамъ...
О, тихій Амстердамъ,
О, тихій Амстердамъ!

И С Л А Н Д И Я.

Валуны, и равнины, залиты лавой,
 Сошмы глетчеровъ, брызги горячихъ ключей.
 Скалы, полныя грусти своею величавой,
 Убѣленные холодомъ блѣдныхъ лучей.

Тѣни чахлыхъ деревьевъ, и море... О, море!
 Волны, пѣна, и чайки, пустыня воды!
 Здѣсь забытые скальды, на влажномъ просторѣ,
 Пѣли пѣсни при свѣтѣ вечерней звѣзды.

Эти Снорри, Сигурды, Тормодды, Гуннары,
 Съ именами желѣзными, духи морей,
 Отъ вѣтровъ получили суровыя чары
 Для угрюмой томительной пѣсни своей.

И въ строкахъ перепѣвныхъ донынѣ хранится
 Ропотъ бури, и громъ, и ворчанье волны,
 Въ нихъ кричитъ альбатросъ, длиннокрылая птица,
 Изъ воздушной, изъ мертвой, изъ вольной страны.

АНТИФОНЫ.

Je porte dans mon âme le reflet des richesses stériles d'un grand nombre de rois oubliés.

Villiers de l'Isle-Adam.

Я ношу въ своей душѣ отраженье бесплодныхъ богатствъ многочисленныхъ забытыхъ царей.

Вилье де Лиль-Адамъ.

Намъ нравятся поэты,
Похожіе на насъ,
Священные предметы,
Дабы украсить часъ,—

Волшебный часъ величья,
Когда, себя сильнѣй,
Мы цѣнимъ безъ различья
Сверканья всѣхъ огней,—

Цвѣты съ любымъ узоромъ,
Расцвѣты всѣхъ началъ,
Лишь только бѣ нашимъ взорамъ
Ихъ пламень отвѣчалъ,—

Лишь только бѣ съ нашей бурей
Сливался онъ въ одно,
Отъ неба или фурій,—
Не все ли намъ равно!

КЪ ГЕРМЕСУ ТРИСМЕГИСТУ.

О, Гермесь Трисмегистъ, троекратно великій учитель,
Богъ наукъ и искусствъ и души роковой искуситель!

Ты мнѣ передалъ власть возрождать то, что сердце
забыло,

Какъ Египетъ весной-возрожденъ отъ разлитія Нила.

Отъ разлитія рѣки, чьи истоки окутаны тайной,
И случайно зажглись, но приносятъ расцвѣтъ не
случайный.

Недостойный металлъ въ благородный могу пре-
вращать я,

Отъ тебя воспринявъ драгоценныя чары заклятья.

Отъ тебя получить я ту влагу цѣлебную жизни,
Что меня навсегда приобщаетъ къ небесной отчизнѣ.

И во имя тебя я бессмертіе всѣмъ обѣщаю.

И умершихъ людей я къ загробнымъ мірамъ
приобщаю.

Ты со мною вездѣ и безгласно твердишь о святыхъ,
Какъ глубокой покой задремавшей Ливійской
пустыни.

Ты въ вѣнцѣ изъ огня предо мною, о, Богъ
многोलикій,

О, Гермесь Трисмегистъ, о, мудрецъ троекратно
великій!

КЪ БОДЛЭРУ.

Какъ страшно-радостный и близкій мнѣ примѣръ,
Ты все мнѣ чудисься, о, царственный Бодлэръ,
Любовникъ ужасовъ, обрывовъ, и химеръ!

Ты, павшій въ пропасти, но жаждавшій вершинъ,
Ты, видѣвшій лазурь сквозь тяжкій желтый сплинъ,
Ты, между варваровъ заложникъ-властелинъ!

Ты, знавшій Женщину, какъ демона мечты,
Ты, знавшій Демона, какъ духа красоты,
Самъ съ женскою душой, самъ властный демонъ ты!

Познавшій таинства мистическихъ ядовъ,
Понявшій образность гигантскихъ городовъ,
Потокъ бурлящійся, рожденный царствомъ льдовъ!

Ты, въ чей богатый духъ навѣкъ перелита
Въ одну симфонію трикратная мечта:
Благоуханья, и звуки, и цвѣта!

Ты, духъ блуждающій въ разрушенныхъ мірахъ,
Гдѣ привидѣнія другъ въ другѣ будятъ страхъ,
Ты, черный, призрачный, отверженный монахъ!

Пребуди же призракомъ навѣкъ въ душѣ моеи,
Съ тобою дай слиться мнѣ, о, магъ и чародѣи,
Чтобъ я безъ ужаса могъ быть среди людей!

КЪ ЛЕРМОНТОВУ.

Нѣтъ, не за то тебя я полюбилъ,
 Что ты поэтъ и полновластный гений,
 Но за тоску, за этотъ страстный пылъ
 Ни съ кѣмъ нераздѣляемыхъ мученій,
 За то, что ты нечеловѣкомъ былъ.

О, Лермонтовъ, презрѣниемъ могучимъ
 Къ бездушнымъ людямъ, къ мелкимъ ихъ
страстямъ,
 Ты былъ подобенъ молніямъ и тучамъ
 Бѣгущимъ по нетронутымъ путямъ
 Гдѣ только громъ гремитъ псалмомъ пѣвучимъ.

И вижу я, какъ ты въ послѣдній разъ
 Бесѣдовалъ съ ничтожными сердцами,
 И жесткимъ блескомъ этихъ темныхъ глазъ
 Ты говорилъ: «Нѣтъ, я уже не съ вами!»
 Ты говорилъ: «Какъ душно мнѣ среди васъ!»

ГИПЕРБОРЕИ.

За горами Рюсейскими, гдѣ-то на сѣверь отъ Понта,
 Въ странахъ мирныхъ и ясныхъ, гдѣ нѣтъ ни
 вѣтровъ, ни страстей,

Отъ нескромныхъ укрытыя свѣтлою мглой горизонта,
 Существуютъ издревле селенья блаженныхъ людей.

Не безсмертны они, эти люди съ блистающимъ
 взглядомъ,

Но они непохожи на насъ, утомленныхъ грозой,
 Эти люди всегда отдаются невиннымъ уладамъ,
 И питаются только цвѣтами и свѣжей росой.

Почему имъ однимъ предоставлена яркая слава,
 Безмятежность залива, въ которомъ не пѣшится валь,
 Почему неизвѣстна имъ нашихъ мученій отравя,
 Этой тайны святой самый мудрый изъ насъ не узналъ.

Не безсмертны они, эти люди, межъ нами—другіе,
 Но помногу вѣковъ предаются они бытію,
 И, насытившись жизнью, бросаются въ воды морскія,
 Унося въ глубину сокровенную тайну свою.

СТРАНА ИССЕДОНОВЪ.

Ся пріятное баснословіе...

Карамзинъ.

На востокъ отъ аргиншесвь,
Тамъ, въ Татаріи Великой,
Змѣй живеть, краса всѣхъ змѣевъ,
Многочудный, многоликій.

Тамъ, безъ тягостныхъ законовъ,
Въ заколдованной долині,
Жило племя исседоновъ,
Говорять, живеть донинѣ.

Судьбы ихъ—гіероглифы,
Край ихъ—золотомъ богатый,
И таинственные грифы
Стерегуть тотъ край заклѣтый.

Восемь мѣсяцевъ—цѣлебный
Холодъ дышетъ надъ странюю,
И летаетъ змѣй волшебный,
И мерцаетъ чешуею.

Кто туда неосторожно
Изъ другой страны заглянетъ,
Тотъ,—преданіе неложно,—
Въ изумленьи камнемъ станетъ.

Всѣ пути туда закляты,
Возлѣ самаго преддверья
Льды восходятъ, какъ палаты,
Снѣгъ и градъ, какъ пухъ и перья.

Камни, золото, и холодъ,
Закаленная природа,
И никто ни старъ, ни молодъ,
Неизмѣнно въ годъ изъ года.

Только змѣй въ игрѣ извивовъ,
Золотисто-изумрудный,
Измѣняетъ цвѣтъ отливовъ,
Многоликій, многочисудный.

ИЗБРАННИКУ.

Отчего такъ бесплодно въ душѣ у тебя
Замолкають созвучья міровъ?

Отчего, не любя ни другихъ, ни себя,
Ты печаленъ, какъ пѣсня безъ словъ?

Ты мечтой полусонной уходишь за грань
Отдаленныхъ небесныхъ глубинъ.

Пробудись и возстань, и воздушную ткань,
Развернувъ, созерцай не одинъ.

О, раскрой передъ нами узоры мечты,
Загорѣвшей въ сердцѣ твоёмъ!
Покажи намъ черты сверхземной красоты,
Мы полюбимъ ее и поймемъ!

Тѣ же мысли у каждого дремлютъ въ тиши,
И мгновенья завѣтнаго ждуть.

О, приди, поспѣши, и для каждой души,
Отъ созвучья, цвѣты расцвѣтуть.

Мы отвѣтимъ какъ море на ласку луны,
А не вражескимъ крикомъ врагу:—
Мы какъ брызги волны изъ одной глубины,
Мы умремъ на одномъ берегу!

Мой другъ, есть радость и любовь.
Есть все, что будетъ вновь и вновь,
Хотя въ другихъ сердцахъ, не въ нашихъ.
Но, милый братъ, и я, и ты
Мы только грезы Красоты,
Мы только капли въ вѣчныхъ чашахъ
Неотцвѣтающихъ цвѣтовъ,
Непогибающихъ садовъ.

ПІЗЪ ЗЕНДЪ-АВЕСТЫ.

Гимнъ.

Три бога есть: Гаома, Веретрагна,
 И Тиетрія. Гаома—богъ Безсмертъя,
 Могучій Веретрагна—богъ Побѣды,
 И Тиетрія—молніеносныхъ Бурь.
 Но выше ихъ есть богъ—Агурамазда,
 Онъ создалъ все, въ чемъ знаніе и жизнь.
 Молитва—дочь его; святое слово—
 Его душа; святое помышленье
 Есть лучъ отъ Солнца правды запредѣльной,
 Есть отзвукъ сочетаній міровыхъ,
 Проникновенный взглядъ Агурамазды.
 Воздайте же Всевышнему хвалу!
 О, ты, всегда единый въ разныхъ формахъ!
 Пресвѣтлый богъ порядка, Ашаванъ!
 Агура, пышно-царственный властитель!
 Датаръ, создатель свѣта, богъ Огня!
 Всевидящій, всевѣдущій, Маздао!

ОТТУДА.

Я обещаю вамъ сады.

Коранъ.

Я обещаю вамъ сады,
Гдѣ поселитесь вы навѣки,
Гдѣ свѣжестъ утренней звѣзды,
Гдѣ спать нешепчущія рѣки.

Я призываю васъ въ страну,
Гдѣ нѣтъ печали, ни заката,
Я посвящу васъ въ тишину,
Откуда къ бурямъ нѣтъ возврата.

Я покажу вамъ то, одно,
Что никогда вамъ не измѣнитъ,
Какъ камень, канувшій на дно,
Верховныхъ волнъ собой не вспѣнитъ

Идите всѣ на зовъ звѣзды,
Глядите, я горю предъ вами.
Я обещаю вамъ сады
Съ неомраченными цвѣтами.

ЛУНА.

O sovereing mistress of true melancholy.

Shakspeare.

Луна богата силою внушенья,
 Вокругъ нея всегда витаетъ тайна,
 Она намъ вторитъ: «Жизнь есть отраженье,
 «Но этотъ призракъ дышетъ не случайно».

Своимъ лучомъ, лучомъ блѣдно-зеленымъ,
 Она ласкаетъ, странно такъ волнуя,
 И душу побуждаетъ къ долгимъ стонамъ
 Влѣшьемъ рокового поцѣлуя.

Своимъ ущербомъ, смертью двухнедѣльной,
 И новымъ полновластнымъ возсіяньемъ,
 Она твердитъ о грусти не безцѣльной,
 О томъ, что свѣтъ насъ ждетъ за умраньемъ.

Но насъ маня надеждой незабвенной,
 Сама она уснула въ блѣдной дали,
 Красавица тоски безперемѣнной,
 Верховная владычица печали!

ТУЧИ.

Но равѣ тучи не рабы?

Случевскій.

Нѣтъ рабства въ мірѣ, если все—одно.
Самъ создалъ я неправду мірозданья,
Чтобъ было ей въ грядущемъ суждено,

Пройдя пути измѣны и страданья,
Вернутся вновь къ таинственной чертѣ,
Гдѣ приметъ все лнныя очертанья,

Гдѣ тѣ же мысли—вотъ, уже не тѣ.
Такъ сѣрые пары, покинувъ травы,
Возносятся къ безмѣрной высотѣ,

Роняютъ тѣнь на доли, на дубравы,
Ихъ свѣтель путь, ихъ манитъ гуль борьбы,
И радугой они предъ міромъ правы.

Нѣтъ, ты неправъ! Нѣтъ, тучи не рабы!

* *

Я въ глазахъ у себя затаилъ
Отраженье сокровищъ чужихъ,
Красоту позабытыхъ могилъ
И другимъ недосказанный стихъ.

Я въ душѣ у себя отыскать
Гармонически бьющій родникъ:
Этихъ струй уже кто-то алкалъ,
Но губами онъ къ нимъ не приникъ.

Оттого-то въ словахъ у меня
Такъ загадочно много огней:
Я закатъ непогасшаго дня,
Я потомокъ могучихъ царей.

ПРОГАЛИНЫ.

Wyście jak przepaści, a w głębiach
waszych tajnie ukryte błekitu.

Zygmunt Krasinsky.

Вы какъ пропасти, а въ глубинахъ
вашихъ скрыты тайны лазури.

Зигмунтъ Красинскій

ПУТЬ ПРАВДЫ.

Пять чувствъ—дорога лжи. Но есть восторгъ экстаза,
 Когда намъ истина сама собой видна,
 Тогда таинственно для дремлющаго глаза
 Горитъ узорами ночная глубина.

Бездонность сумрака, неразрѣшенность сна,
 Изъ угля черного—рожденіе алмаза.
 Намъ правда каждый разъ—сверхчувственно дана,
 Когда мы вступимъ въ лучъ священнаго экстаза.

Въ душѣ у каждаго есть міръ незримыхъ чаръ,
 Какъ въ каждомъ деревѣ зеленомъ есть пожаръ,
 Еще не вспыхнувшій, но ждущій пробужденья.

Коснись до тайныхъ силъ, шатни тотъ міръ, что спитъ,
 И, дрогнувъ радостно отъ счастья возрожденья,
 Тебя нежданное такъ ярко ослѣпитъ,

ПАПОРОТНИКЪ.

Тѣнью легкой и неслышной
 Я замедлилъ у пути,
 Тамъ гдѣ папоротникъ пышный
 Долженъ будетъ расцвѣсти.

Освященный ножъ доставши,
 Очертилъ заклятый кругъ;
 Возлѣ скатерть разостлавши,
 Жду. Но чу! Шипящій звукъ!

Это дьяволы толпою
 Собрались вокругъ меня,
 Смотрять, манять за собою,
 Брызжутъ искрами огня.

Но безстрастный, безучастный,
 Я стою въ своемъ кругу.
 Съ этой челядью подвластной
 Посчитаться я могу.

И толпою разъяренной
 Умножаются они,
 Страшенъ ликъ ихъ искаженный,
 И сильнѣй горять огни.

Но въ груди сдержавъ волненье,
 Заклинанья я шепчу,
 Жду завѣтнаго мгновенья,
 И дождусь, чего хочу.

Сонъ придетъ. Цвѣтокъ волшебный,
 Что блеститъ однажды въ годъ,
 Златоцвѣтный и цѣлебный,
 На мгновенье расцвѣтетъ.

И смущенный, изумленный,
 Я тогда его сорву.
 Тотчасъ папоротникъ сонный
 Озаритъ кругомъ траву.

Я пройду толпу видѣній,
 Безъ оглядки убѣгу,
 И источникъ наслажденій
 Возлѣ сердца сберегу.

И навѣки этотъ властный,
 Драгоценный амулетъ
 Будетъ мнѣ свѣтить, какъ ясный,
 Но никѣмъ не зримый свѣтъ.

Довѣряясь этой жгучей
 И таинственной звѣздѣ,
 Я пройду, какъ духъ могучій,
 По землѣ и по водѣ.

Мнѣ понятны будутъ строки
Ненаписанныхъ страницъ
И небесные намеки,
И языкъ звѣрей и птицъ.

Миръ тому, кто не боится
Ослѣпительной мечты,
Для него восторгъ таится,
Для него цвѣтутъ цвѣты!

ПРОБУЖДЕНИЕ.

Богъ входитъ въ существа, какъ Солнце сквозь окно,
Когда оно встаетъ за гранью кругозора.

Откроемъ занавѣсь, намъ всѣмъ свѣтитъ дано,
Быть жгучими, любить, быть частію узора.

Непогасимъ огонь внимательнаго взора,
Ненсчерпаемъ блескъ того, что суждено.

Лишь Солнца возстаетъ въ безличьи кругозора,
И весь различный міръ скрѣпляетъ онъ въ одно.

Туманы превративъ въ разорванныя тучи,
Токъ огненныхъ полосъ коснулся вышнихъ горъ,
И въ глубину долинь, свѣтясь, глядятся кручи.

Тамъ нѣжный сонъ садовъ, тамъ синій свѣтъ озеръ,
И пробужденья чувства, несознанно-могучи,
Сливаются шумъ листвы въ одинъ протяжный хоръ.

И ДА, И НѢТЬ.

1.

И да, и нѣть—здѣсь все мое,
 Приемлю боль—какъ благодѣлю,
 Благославляю бытіе,
 И если создашь я пустыню,
 Ея величіе—мое!

2.

Весенній шумъ, весенній гулъ природы
 Въ моей душѣ звучитъ не какъ призывъ.
 Среди живыхъ—лишь люди не уроды,
 Лишь человѣкъ хоть частію красивъ.

Онъ можетъ мнѣ сказать живое слово,
 Онъ полонъ безднъ мучительныхъ, какъ я.
 И только въ немъ ежеминутно ново
 Видѣніе земного бытія.

Какое счастье думать, что сознаньемъ,
 Надъ смутой горъ, морей, лѣсовъ, и рѣкъ,
 Надъ мчащимся въ безбрежность мірозданьемъ,
 Царитъ непобѣдимый человѣкъ.

О, вѣрю! Мы повсюду бросимъ сѣти,
 Среди міровыхъ неистощимыхъ водъ.
 Предъ будущимъ теперь мы только дѣти.
 Огнь—нашъ, огнь—нашъ, лазурный небосводъ!

3.

Страшны мнѣ звѣри, и черви, и птицы.
 Душу томить мнѣ животный ихъ сонъ.
 Нѣтъ, я люблю только бѣглость зарницы,
 Вѣтеръ и моря глухой перезвонъ.

Нѣтъ, я люблю только мертвыя горы.
 Листья и вѣчно-нѣмые цвѣты,
 И человѣческой мысли узоры,
 И человѣка родныя черты.

4.

Лишь демоны, да гении, да люди,
 Современемъ заполнить всѣ мѣры,
 И выразить въ неизреченномъ чудѣ
 Весь блескъ еще не снившейся игры,—

Когда, уразумѣвъ себя впервые,
 Съ душой соприкоснутся навсегда
 Четыре полновластныхъ стихіи:—
 Земля, Огонь, и Воздухъ, и Вода.

5.

Отъ блѣднаго листка испуганной осины
 До сказочныхъ планетъ, гдѣ день длиннѣй, чѣмъ,
вѣкъ,

Все—тонкіе штрихи законченной картины
 Все—тайные пути неуловимыхъ рѣкъ.

Всѣ помыслы ума—широкія дороги,
 Всѣ вспышки страстные—подъемные мосты,
 И какъ бы ни были мы бѣдны и убоги,
 Мы всетаки дойдемъ до нужной высоты.

То будетъ лучшій мигъ безбрежныхъ откровеній,
 Когда, какъ лунный дискъ, прорвавшись сквозь
туманъ,

На насъ изъ хаоса безчисленныхъ явленій
 Вдругъ глянетъ снившійся, но скрытый Океанъ.

И цѣль пути понявъ, счастливые навѣки,
 Мы всѣ благословимъ раздающую тьму,
 И, словно радостно-расширенный рѣки,
 Своими устьями, любя, прильнемъ къ Нему.

6.

То будетъ таинственный мигъ примиренія,
 Все въ мірѣ восприметъ восторгъ красоты,
 И будетъ для взора не три измѣренія,
 А столько же, сколько есть сновъ у мечты,

То будетъ мистическій праздникъ слиянія,
 Всѣ краски, всѣ формы пзмѣнятся вдругъ,
 Все въ мірѣ восприметь восторгъ обаянія,
 И воздухъ, и Солнце, и звѣзды, и звукъ.

И демоны, встрѣтятся съ забытыми братьями.
 Съ которыми жили когда-то всегда,
 Восторженно встрѣтятъ другъ друга объятъями,—
 И день не умретъ никогда, никогда!

7.

Будутъ игры безпредѣльныя,
 Въ упоптельности цѣльныя,
 Будутъ пѣсни колыбельныя,
 Будемъ въ шутку мы грустить,
 Чтобы съ новымъ упоеніемъ,
 За обманчивымъ мгновеніемъ,
 Снова ткать съ протяжнымъ пѣніемъ
 Переливчатую нить.

Нить мечтанья безконечнаго,
 Безпечальнаго, безпечнаго,
 И мгновеннаго и вѣчнаго,
 Будетъ вся въ живыхъ огняхъ,
 И, какъ призраки влюбленные,
 Какъ-то сладко-утомленные,
 Мы увидимъ—измѣненныя—
 Наши лица—въ нашихъ снахъ.

8.

Идеи, образы, изображенья, тѣни,
 Вы, низъ вѣдущія, но пышныя ступени,—
 Какъ змѣй сквозь васъ вѣясь, я васъ люблю равно,
 Чтобъ видѣть высоту, я падаю на дно.

Я вижу облики въ сосудѣ драгоцѣнномъ,
 Вдыхаю въ немъ вино, съ его восторгомъ плѣннымъ,
 Ту ялагу выпью я, и по златымъ краямъ
 Дамъ биться отблескамъ и ликамъ и тѣнямъ.

Вино горитъ силой змѣй—незримое для глаза,
 И осушенная—богаче, ярче ваза.
 Я сладко опьянелъ, и, какъ лукавый змѣй,
 Покинувъ глубь, всхожу... Еще! Вотъ такъ! Скорѣй!

9.

Я—просвѣтленный, я кажусь собой,
 Но я не то,—я островъ голубой:
 Вблизи зеленый, полный мглы и бури,
 Онъ издали являетъ цвѣтъ лазури.

Я—вольный сонъ, я всюду и нигдѣ:—
 Вода блеститъ, но развѣ лучъ въ водѣ?
 Нѣтъ, здѣсь свѣтя, я гдѣ-то тамъ блистаю,
 И тамъ не жду, блесну—и пропадаю.

Я вижу все, вездѣ встаетъ мой ликъ,
 Со все́ми я сливаюсь кажды́й ми́гъ.
 Но вѣтеръ какъ замкнѹтъ въ предѣлахъ зданья?
 Я духъ, я магъ, я стражъ міросознанья.

10.

Звуки и отзвуки, чувства и призраки ихъ,
 Таянство творчества, только-что созданный стихъ.

Только что срѣзанный свѣжій и влажный цвѣтокъ,
 Радость рожденія—этого пѣнія строкъ.

Воды мятежились, буря гремѣла,—но вотъ
 Въ водной зеркальности дышетъ опять небосводъ.

Травы обрызганы съ неба упавшимъ дождемъ.
 Будемъ же мучиться, въ боли мы тайну найдемъ.

Слава создавшему пѣснию изъ слезъ роковыякъ,
 Намъ передавшему звонкій и радостный стихи!

ЧЕТЬ И НЕЧЕТЬ.

Медленные строки.

Утромъ рано,
Изъ тумана,
Солнце выглядеть для насъ.
И освѣтитъ,
И замѣтитъ
Всѣхъ, кто любить этотъ часъ.

Ночью, скучно,
Однозвучно,
Упадетъ звонъ минутъ.
О минувшемъ,
Обманувшемъ
Ихъ напѣвы намъ поютъ.

Точно съ крыши,
Тише, тише,
Капли падаютъ дождя.
Всѣ прольются,
Не вернуться,
Этотъ темный путь пройдя.

Звукъ неясный,
 Безучастный,
 Папикиды намъ поеть.
 «Вѣрьте, вѣрьте
 «Только смерти!
 «Четь и нечетъ! Нечеть, чсть!»

«Четь счастливымъ
 «И красивымъ,
 «Слабымъ нечетъ, недочеть!
 «Но, рѣдѣя,
 «Холодѣя,
 «Четь и нечетъ протечеть!»

Звукъ неясный,
 Безучастный,
 Ты поешь, обманъ тая.
 Нѣтъ, не вѣрю,
 И въ потерю
 Смысль иной влагаю я.

Вѣрьте, вѣрьте
 Только смерти
 Насъ понявшаго Христа!
 Солнце встанеть,
 Не обманеть,
 Вѣчно свѣтитъ красота!

Цѣль страданья,
Ожиданья,
Всѣмъ намъ свѣтлый дасть отчетъ.
Въ міръ согласный,
Вѣчно-ясный,
Четъ и печетъ насъ влечетъ.

ИНДІЙСКІЯ ТРАВЫ.

Tat tvam asi.—То есть ты.

*Основоположеніе Индійской
Мудрости.*

Познавшій сущность сталъ выше
печали.

Шри-Шанкара-Ачарія.

МАИЯ.

Тигры стонали въ глубокихъ долинахъ
 Чампакъ, цвѣтущій въ столѣтїе разъ,
 Пряный, дышалъ между горъ, на вершинахъ.
 Мѣсяць за скалы проплылъ и погасъ.

Въ темной пещерѣ, задумчивый іоги,
 Магъ-заклинатель, блѣднѣй мертвеца,
 Что-то шепталъ, и властительно-строги
 Были черты сверхземного лица.

Мантру читалъ онъ, святое моленье;
 Только прочелъ—и предъ нимъ, какъ во снѣ.
 Сталъ качаться, носиться видѣнья,
 Стали кружиться въ ночной тишинѣ.

Тѣни, и люди, и боги, и звѣри,
 Время, пространство, причина, и цѣль,
 Пышность восторга, и сумракъ потери,
 Смерть на мгновенье, и вновь колыбель.

Ткань безъ предѣла, картина безъ рамы,
 Солнны враждебныхъ безчисленныхъ «я»,
 Мракъ отпаденья отъ вѣчнаго Брами,
 Ужасъ мучительный, сонъ бытія.

Въ самому небу возносятся горы,
 Рушится съ гуломъ утесъ на утесъ,
 Топотъ и ропотъ, молебны и укоры,
 Тысячи быстрыхъ и звонкихъ колесъ.

Бѣшено мчатся и люди и боги...
 «Майя! О, Майя! Лучистый обманъ!
 «Жизнь—для незнающихъ, призракъ—для іоги,
 «Майя—бездушный нѣмой океанъ!»

Скрылись видѣнья. На горныхъ вершинахъ
 Вѣтеръ въ узорахъ вѣтвей трепеталъ.
 Тигры стонали въ глубокихъ долинахъ.
 Чампакъ, цвѣтокъ вѣковой, отцвѣталъ.

КРУГОВОРОТЪ.

Не только люди и герои,
 Волненье думъ тая,
 Томятся жаждой въ душномъ зноѣ
 Земного бытія.
 Но даже царственные боги
 Несутъ тяжелый плѣнь,
 Всегда витая на порогѣ
 Все новыхъ перемѣнь.

 Они счастливѣе, чѣмъ люди,
 Герои равны имъ,
 Но всѣ они скорбятъ о чудѣ
 Всѣмъ существомъ своимъ.
 Въ оковахъ жизни подневольной
 Запутанныхъ міровъ,
 Скорбятъ о вѣчности безбольной
 Непреходящихъ сновъ.

 И только Онъ, Кто всѣхъ ихъ видитъ
 Съ незримой высоты,
 Кто блѣдной травки не обидитъ,
 Въ Чьемъ лонѣ я и ты,—
 Лишь только Онъ, всегда блаженный,
 Ничѣмъ не утомленъ,
 И жизнь съ ея игрой мгновенной
 Предъ нимъ скользить, какъ сонъ.

Никѣмъ не понять и незнаемъ,
Онъ любить свѣтъ и тьму,
И кругъ завѣтный мы свершаемъ,
Чтобы придти къ Нему.
Какъ лучъ отъ Солнца, въ жгучемъ зноѣ,
Сквозь бездну мглы скользимъ,
И вновь—къ Нему, въ святомъ покоѣ,
И вотъ мы снова—съ Нимъ!

ЖИЗНЬ.

Жизнь—отраженіе луннаго лика въ водѣ,
 Сфера, чей центръ—повсюду, окружность—нигдѣ,
 Царственный вымыселъ, пропасть глухая безъ дна,
 Вѣчность мгновенія—мигъ красоты—тишина.

Жизнь—трепетаніе моря подѣ властью Луны,
 Лотосъ чуть дышащій, блѣдный любимецъ волны,
 Дымное облако, полное скрытыхъ лучей,
 Союзъ, создаваемый множествомъ, всѣхъ—и ничей.

КАКЪ ПАУКЪ.

Какъ паукъ въ себѣ рождаетъ паутину,
И, тяжелый, создаетъ воздушность нитей, —
Какъ художникъ создаетъ свою картину,
Закрѣпляя мимолетное событій,—

Такъ изъ Вѣчнаго исходитъ міровое—
Многосложность и единство бытія.
Міръ одинъ, но въ этомъ мірѣ вѣчно двое:—
Онъ, Недвижный, Онъ, Нежаждущій—и я.

ИЗЪ УПАНИШАДЪ.

Все то, что существуетъ во вселенной,—
 Окутано въ воздушную одежду,
 Окружено Создателемъ всего.
 Среди тѣней, въ движеніи сплетенныхъ,
 Недвижное есть Существо одно,
 Въ неподвижности—быстрѣй, чѣмъ пламя мысли,
 Надъ чувствами оно царить высоко,
 Хотя они, какъ боги, въ высь парятъ;
 Стремясь достичь того, что непостижно;
 Оно глядитъ на быстрый токъ видѣній,
 Какъ воздухъ—обнимая все кругомъ,
 И жизненную силу разливая.
 Недвижно движеть всѣмъ; далеко—близко;
 Оно внутри вселенной навсегда.
 И кто проникновеннымъ взоромъ взглянетъ
 На существа какъ дышащія въ немъ,
 И на него какъ Генія Вселенной,
 Тогда, появъ, что слитна эта ткань,
 Ни на кого не взглянетъ онъ съ презрѣньемъ.

ИНДИЙСКИЙ МУДРЕЦЪ.

Какъ золотистый плодъ, въ осенній день дозрѣвшій,
 На землю падаетъ, среди стеблей травы,
 Такъ я, какъ бы глухой, слѣпой, и онѣмѣвшій,
 Иду, не поднимая головы.

Одно въ моихъ зрачкахъ, одно въ замкнутомъ
 слухѣ,
 Какъ бы изваянный, мой духъ навѣкъ затихъ.
 Ни громкій крикъ слона, ни блескъ жужжащей мухи
 Не возмутятъ недвижныхъ чертъ моихъ.

Сперва я, какъ мудрецъ, бесѣдовалъ съ вѣками,
 Потомъ свой духъ вернулъ къ первичной простотѣ,
 Потомъ, молчальникомъ, я приобщился въ Брамѣ,
 И утонулъ въ безсмертной красотѣ.

Четыре радуги надъ бурною вселенной,
 Четыре степени возвышенныхъ надеждъ,
 Чтобъ воссоздать кристаллъ изъ влаги перемѣнной,
 Чтобъ видѣть міръ, не подымая вѣждъ.

МОЛИТВА ВЕЧЕРНЯЯ.

Тотъ, предъ Кѣмъ, Незримымъ, зримо
 Все, что въ душахъ у людей,
 Тотъ, предъ Кѣмъ проходятъ мимо
 Блески дымные страстей,—

Кто, Неслышимый, услышитъ
 Каждый ропотъ бытія,
 Только Тотъ безсмертьемъ дышитъ,
 Въ нераздѣльно-слитномъ я.

Тотъ, въ чьемъ духѣ вѣчно новы
 Солнце, звѣзды, вѣтеръ, тьма,
 Тотъ, Кому они—покровы
 Для сокрытаго ума,—

Тотъ, Кто близко и далеко,
 Передъ Кѣмъ вся жизнь твоя
 Точно радуга потока,—
 Только Тотъ есть вѣчно—я.

Всѣ закаты, всѣ разсвѣты
 Въ немъ возникли и умрутъ,
 Всѣ сердечныя примѣты
 Тамъ зажглись, блистая—туть.

Всѣ лучи въ росѣ горячей
Повторяютъ тотъ же ликъ,
Солнца ликъ животворящій,
Въ Солницѣ каждый лучъ возникъ.

Все, что—здѣсь, проходитъ мимо,
Словно тѣнь отъ облаковъ.
Но очамъ незримымъ—зрима
Неподвижность вѣчныхъ словъ.

Онъ живетъ, предъ Кѣмъ проводитъ
Этотъ міръ всю роскошь силъ,
Онъ, Единный, не уходитъ,
Въ часъ захода всѣхъ свѣтилъ!

БЕЗВѢТРІЕ.

Entonces huelga el hombre andando
entre las estrellas.

Luis de Granada.

Тогда-то наслаждается человекъ,
проходя среди звѣздъ.

Люисъ де Гранада.

Въ тихомъ безвѣтріи
Свѣтлыхъ пространствъ.

Случескій.

АЛЬБАТРОСЪ.

Надъ пустыней ночью морей альбатросъ одинокій,
Разрѣвая ударами крыльевъ соленый туманъ,
Любовался, какъ царствомъ своимъ, этой бездной
широкой,
И, едва колыхаясь, качался подъ нимъ Океанъ.

И порой омрачаясь, далеко, на небѣ холодномъ,
Одиноко плыла, одиноко горѣла Луна.
О, блаженство быть сильнымъ и гордымъ и вѣчно
свободнымъ!
Одиночество! Миръ тебѣ! Море, покой, тишина!

СВѢТЛЫЙ ГЕРОЙ.

Я слышалъ о свѣтломъ Героѣ,
Свободномъ отъ всякихъ желаній,
О немъ, перешедшемъ потокъ.
Въ лучистомъ застылъ онъ покоѣ,
Покинувъ нашъ мѣръ восклицаній
Для славы несозданныхъ строкъ.

Въ разрывахъ глубокой лазури,
Въ краю отодвинутой дали,
Съ нимъ тайно колдуетъ Судьба.
Къ нему не притронутся бури,
Его не коснутся печали,
Ему незнакома борьба.

Съ безсмертной загадкой во взорѣ,
Онъ высится гдѣ-то надъ нами,
Въ душѣ отразивъ небосводъ.
Въ высоко-мятущемся морѣ
Онъ островъ забытый вѣтрами,
Среди успокоенныхъ водъ.

ПОТУХШИЕ ФАКЕЛЫ.

Факелы, тлѣя, чадаютъ,
 Утомлень наглядѣвшійся взглядъ.
 Дымъ изъ камильницъ излитъ,
 Наслажденье, усталое, спитъ.

О, наконецъ, наконецъ,
 Затуманень блестящій дворецъ!
 Мысль, отчего жъ ты не спишь,—
 Вкругъ тебя безнадежная тишь!

Жить, умирать, и любить,
 Безпредѣльную цѣльность дробить,—
 Все это было давно
 И, скользнувъ, опустилось на дно.

Тамъ, въ полумгнѣ, въ тишинѣ,
 Гдѣ-то тамъ, на таинственномъ днѣ,
 Новыя краски царятъ,
 Драгоценныя камни горятъ.

Ниже, все ниже, все внизъ,
 Замолчавшей душой устремись!
 Въ смерти намъ радость дана,—
 Красота, тишина, глубина!

ЮЖНЫЙ ПОЛЮСЪ ЛУНЫ.

Южный полюсъ Луны задремалъ, онъ уснулъ между
горъ величавыхъ,
Поражающихъ правильной формой своей.
Это—мысль, заключенная въ стройныхъ
октавахъ,
Эти горы живутъ безъ воды, въ полосѣ неподвиж-
ныхъ лучей,—

Ослѣпительно-яркихъ, какъ умъ, и ложащихся от-
блескомъ страннымъ
На долины, что спятъ у подножія горъ,
Между кратеровъ мертвыхъ, всегда свѣтло-
тканныхъ,
Вѣчно-тихихъ, нетронутыхъ тьмой, и ничей не
ласкающихъ взоръ.

Эти страшныя горы горятъ неподвижностью вѣчнаго
свѣта,
Надъ холоднымъ пространствомъ безжизнен-
ныхъ сновъ.
Это ужасъ мечты, это дума вѣковъ,
Запредѣльная жизнь Красоты, беспощадная ясность
Поэта.

БЛѢДНЫЙ ВОЗДУХЪ.

Блѣдный воздухъ прохладенъ.
 Не желай. Не скорби.
 Какъ бы ни былъ ты жадеиъ,
 Только Бога люби.

Даль небесъ безпредѣльна.
 О, какъ сладко тому,
 Кто, хотя бы безцѣльно,
 Весь прикипетъ къ Нему.

Въ небѣ царствуютъ луны.
 Какъ спокойно вокругъ нихъ!
 Златоцвѣтныя струны
 Затаили свой стихъ.

Скоро звѣзды проснутся.
 Сочетаясь въ узоръ,
 Ихъ намеки сплетутся
 Въ серебристый соборъ.

Звѣзды—вѣчныя души.
 Звѣзды свѣчи зажгли.
 Вотъ все глуше и глуше
 Темный ропотъ земли!

Нѣтъ границъ у лазури.
Слышишь медленный звонъ?
Это прошлыя бури
Погружаются въ сонъ.

Тихо въ царствѣ покоя.
Кругъ завѣтный замкнуть.
Часъ полночнаго боя
Отошедшихъ минутъ!

Воздухъ чистъ и прохладенъ.
Этотъ мигъ не дроби.
Какъ бы ни былъ ты жаденъ,
Только Бога люби!

НЕМОЛЧНЫЯ ХВАЛЫ.

Можно пѣть немолчныя хвалы,
Говоря всегда одно и то же.
Я люблю провалы горной мглы,
Гдѣ кричатъ голодные орлы,
Узкій путь, что съ каждымъ мигомъ строже—
Выше, выше мчитъ узоръ скалы.
Но на свѣтѣ мнѣ всего дороже —
Радость вѣчно пѣть Тебѣ хвалы,
Милосердный Боже!

ДРАГОЦѢННЫЕ КАМНИ.

Камень Иоанна, вѣжный изумрудъ,
 Драгоценный камень ангеловъ небесныхъ,—
 Передъ тѣми двери Рая отомкнуть,
 Кто тебя полюбитъ въ помыслахъ чудесныхъ,—
 Црѣть расцвѣтшей жизни, свѣтлый изумрудъ!

Твердая опора запредѣльныхъ троновъ,
 Яшма, талисманъ апостола Петра,—
 Хрѣмъ, гдѣ всѣ мы можемъ отдохнуть отъ стоновъ
 Въ часъ, когда приходитъ трудная пора,—
 Яшма, украшенье запредѣльныхъ троновъ!

Камень огневой невѣрнаго Фомы,
 Яркій хризолитъ оттѣнка золотого,—
 Ты маякъ сознанья надъ прибоемъ тьмы,
 Черезъ тебя мы въ Богѣ убѣдимся снова,—
 Хризолитъ прекрасный мудраго Фомы!

Символы престоловъ, временно забытыхъ,
 Гиацинтъ, агатъ, и дымный аметистъ,—
 Послѣ заблужденій, сердцемъ пережитыхъ,
 Къ небу возвратится тотъ, кто сердцемъ чистъ,—
 Легкій мракъ престоловъ, временно забытыхъ!

Радость высшихъ духовъ, огненный рубинъ,
Цвѣта красной крови, цвѣта страстной жизни,—
Между драгоценныхъ камней властелинъ,
Ты намъ обѣщаешь жизнь въ иной отчизнѣ,—
Камень высшихъ духовъ, огненный рубинъ!

ПРЕДВѢЩАНІЕ.

Мнѣ все равно: царемъ ли быть могучимъ,
Иль мудрецомъ, средь отреченныхъ книгъ,
Иль облакомъ, бѣгущимъ къ дальнимъ тучамъ,
Чтобъ засвѣтиться молніей на мигъ.

Всему и всѣмъ сочувственный двойникъ,
Я ввысь иду по лабиринтнымъ кручамъ,
Судьба зоветъ, покой пустынь великъ,
И стихъ въ душѣ звучитъ ключомъ гремучимъ.

Туда, туда! За грани вѣчныхъ горъ!
Вершины спятъ. Лазурь, покой, просторъ.
Властительны невидимыя чары.

Въ предсмертной мглѣ дрожить одна звѣзда,
Надъ дольней тьмой, гдѣ дымные пожары.
Вершины спятъ. Скорѣй! Туда, туда!

ВЕРШИНЫ.

Медленные строки.

Вершины бѣлыхъ горъ
Подъ краснымъ солнцемъ свѣтять.
Спроси вершины горъ,
Онѣ тебѣ отвѣтять.

Разкажутъ въ тихій часъ
Багрянаго заката,
Что нѣтъ любви для насъ,
Что къ счастью нѣтъ возврата.

Чѣмъ дальше ты идешь,
Тѣмъ глубже тайный холодъ.
Все—истина, все—ложь,
Блаженъ лишь тотъ, кто молодъ.

Намъ скупо свѣтитъ день,
А ты такъ жаждешь свѣта.
Мечтой свой духъ одѣнь,
Въ иномъ не жди привѣта.

Чѣмъ выше надъ землею,
 Тѣмъ легче хлопья снѣга,
 Съ прозрачной полумглою
 Слилась нѣмая нѣга.

Въ прозрачной полумглѣ
 Ни мрака нѣтъ, ни свѣта,
 Ты плакалъ на землѣ,
 Когда-то, съ кѣмъ-то, гдѣ-то.

Пойми, одинъ, теперь:—
 Нѣтъ ярче откровенья,
 Какъ въ сумракѣ потерь
 Забвеніе мгновенья.

Мгновенье красоты
 Бездонно по значенью,
 Въ немъ высшее, чѣмъ ты.
 Служи предназначенью!

Взойди на высоту,
 Побудь какъ лучъ заката,
 Уйди за ту черту,
 Откуда нѣтъ возврата!

МОСТЪ.

Между Временемъ и Вѣчностью.
 Какъ надъ брызнувшей водою,
 Къ намъ заброшенъ безконечностьъ
 Мостъ воздушно-золотой,—

Разноцвѣтностью играющій
 Видный только для того,
 Кто душою ожидающей
 Любитъ Бога своего,—

Кто, забывъ свое порочное,
 Побѣдилъ громаду золь,
 И, какъ радуга непрочная,
 Возсіялъ — и отошелъ.

БѢЛАЯ СТРАНА.

Я—въ странѣ, что вѣчно въ бѣлое одѣта,
Предо мной—прямая долгая дорога.
Ни души—въ просторахъ призрачнаго свѣта,
Не съ кѣмъ говорить здѣсь, не съ кѣмъ, кромѣ Бога.

Все, что было въ жизни, снова улыбнется,
Только для другого,—нѣтъ, не для меня.
Солнце не вернется, счастье не проснется,
Въ сердцѣ у меня ни ночи нѣтъ, ни дня.

Но еще влачу я этой жизни бремя,
Но еще куда-то тянется дорога. .
Я одинъ въ просторахъ, гдѣ умолило время,
Не съ кѣмъ говорить мнѣ, не съ кѣмъ, кромѣ Бога.

СМЕРТІЮ—СМЕРТЬ.

Procul recedant somnia
Et noctium phantasmata...

S. Ambrosius.

Прочь да отступяť видѣнія
И привидѣнья почей!

Св. Амвросій.

СМЕРТЮ — СМЕРТЬ.

I had a dream...

Lord Byron.

Я видѣлъ сонъ, не все въ немъ было сномъ,
 Воскликнулъ Байронъ въ черное мгновенье,
 Зажженный тѣмъ же сумрачнымъ огнемъ,
 Я расскажу, по силѣ разумѣнья,
 Свой сонъ,—онъ тоже не былъ только сномъ.

И васъ прося о милости вниманья,
 Незримые союзники мои,
 Лишь вамъ я отдаю завоеванье,
 Исполненное мудростью Змѣи.
 Но слушайте мое повѣствованье.

Мнѣ грезилась безмѣрная страна,
 Которая была когда-то Раемъ;
 Она судьбой намъ всѣмъ была дана,
 Мы всѣ ее, хотя отчасти, знаемъ,
 Не та страна проклятью предана.

Ея концы, незримые вначалѣ,
 Какъ стѣны обозначилися мнѣ,
 И видѣлъ я, какъ полныя печали,
 Дрожанья звѣздъ въ небесной вышинѣ,
 Свой смыслъ понявъ, навѣки отзвучали.

И новое предстало предо мной.
 Небесный сводъ, какъ потолокъ, сталъ низкимъ;
 Украшенный игрушечной Луной,
 Онъ сдѣлался до отвращенья близкимъ,
 И точно очертился кругъ земной.

Надъ этой ямой, вогнутой и грязной,
 Тѣ сонмы звѣздъ, что я всегда любилъ,
 Дымилися, въ игрѣ однообразной,
 Какъ огоньки, что бродятъ межъ могилъ.
 Какъ хлопья пакли, массой безобразной.

На самой отдаленной полосѣ,
 Что не была достаточно далекой,
 Толпились дѣти, юноши—и всё
 Толклись на мѣстѣ въ горести глубокой,
 Томилися, какъ бѣлка въ колесѣ.

Но міръ Земли и сочетаній звѣздныхъ,
 Съ роскошествомъ дымящихся огней,
 Достойнымъ балагановъ затрапезныхъ,
 Все дѣлался угрюмѣй и тѣснѣй,
 Бросая тѣнь отъ стѣнъ до стѣнъ желѣзныхъ.

Стѣснилося дыханіе у всѣхъ,
 Но многіе еще просвѣта ждали
 И, стоя въ склепѣ дѣдовскихъ утѣхъ,

Другъ друга въ чадномъ дымѣ не видаши,
И съ устъ иныхъ срывался дикій смѣхъ.

Но, наконецъ, всѣмъ въ Мирѣ стало явно,
Что замкнуть Миръ, что онъ извѣстенъ весь,
Что какъ желать не быть собой—напрасно,
Такъ наше Тамъ — всегда и всюду Здѣсь,
И Небо надъ самимъ собой не властно.

Я слышалъ вопли: «Кто поможетъ? Кто?»
Но кто же могъ быть сильнымъ между нами!
Повторный крикъ звучалъ: «Не то! Не то!»
Ничто смѣялось, сжавшись, за стѣнами, —
Все сморщенное страшное Ничто!

И вотъ ужъ стѣны сдвинулись такъ тѣсно,
Что груда этихъ стиснутыхъ рабовъ
Въ чудовище одно слилась чудесно,
Съ безумнымъ сонмомъ ликовъ и головъ,
Одно въ своемъ различьи повсемѣстно.

Измученъ въ подневольной тѣснотѣ,
Съ чудовищной Змѣею липко скованъ,
Дрожа отъ омерзенья къ духотѣ,
Я чувствовалъ, что умъ мой заколдованъ,
Что нѣтъ конца уродливой мечтѣ.

Вдругъ, въ ужасѣ, незнаемомъ дотолѣ,
 Я превратился въ главный ликъ Змѣи,
 И Міръ — былъ мой, я — у себя въ неволѣ.
 О, слушайте, союзники мои,
 Что сдѣлалъ я въ невыразимой боли!

Все было сѣрно-изсиня-желто.
 Я развернулъ мерцающія звенья,
 И, Міръ порвавъ, самъ вспыхнулъ, — но за то,
 Горя и задыхаясь отъ мученья,
 Я умертвилъ ужасное Ничто.

Какъ сонный мракъ предъ властію разсвѣта,
 Какъ облако предъ чарою вѣтровъ,
 Вселенная, безсмертіемъ одѣта,
 Раздвинулась до самыхъ береговъ,
 И смысла ихъ — и дальше — въ море Свѣта.

Вновь манитъ Міръ безвѣстной глубиной,
 Нѣтъ больше стѣнъ, нѣтъ сказки жалко-
 скудной,

И я не Змѣй, уродливо-больной,
 Я — Люциферъ небесно-изумрудный,
 Въ Безбрежности, освобожденной мной.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Посвященіе	9
Предисловіе	11
1. КРИКЪ ЧАСОВОГО.	
Крикъ часового	21 ✓
2. ОТСВѢТЫ ЗАРЕВА.	
Книжальныя слова ✓	25 ✓
Полночь и Свѣтъ	26 ✓
Слово завѣта	27 ✓
✓ Морской разбойникъ	29
Какъ испанецъ	31
Красный цвѣтъ	33
Я сбросилъ ее	35
Свены	36 ✓
✓ Въ глухіе дни	37 ✓
Опричники	39 ✓
✓ Смерть Дмитрія Краснаго	40 ✓
Скорпіонъ	43 ✓
Я люблю далекій слѣдъ	44 ✓
3. АНГЕЛЫ ОПАЛЬНЫЕ.	
Ангелы опальные	47 ✓
Слова любви	49 ✓

	Стр.
Хлопья тумана	50
Опять	51 V
Среди камней	52 V
Белладона	53 V
Я буду ждать	54
Иъжнѣе всего	56
Волна	57
Осень	58
Отцеѣли	59
Замокъ Джэнь Вальморь. <i>Баллада</i>	61
Чары мѣсяца. <i>Медленные строки</i>	66
Можно жить съ закрытыми глазами	71 V

4. СОВѢСТЬ.

Сумрачныя области	75
Подъ ярмомъ	77
Лѣсной пожаръ	78
Разсвѣтъ. <i>Медленные строки</i>	83
Дымъ	86
И плыли они	88
Скрижали	90
На мотивъ изъ Зендь-Авесты	92
Конецъ міра	93
Въ аду	94

5. СТРАНА НЕВОЛИ.

Страна неволи	97
Въ душахъ есть все	99
Стучи, тебѣ отероють	104
Въ тюрьмѣ	105
Избранный	106
Раненый	107

Проклятіе глупости	108
Уроды	109
Бабочка	110
Заколдованная дѣва	111
Сквозь міръ случайностей	112

6. ВОЗЛѢ ДЫМА И ОГНЯ.

Кузнецъ	115
Выше, выше	116
Моя душа	117
Духъ волны	118
Вѣнчаніе	120
Во власти всѣхъ вещей	122
Бретань	123
Утопленники	124
Проповѣдникамъ	125
Хвала совету	126
Я не пѣзъ тѣхъ	127
Ожесточенному	128
Въ башнѣ	129
Къ дальнему	131
Отъ умершаго къ живому	132
Островъ Виліа-Дьявола	133
Послѣ бала	135
Разлука	137
Молитва о жертвѣ	138

7. МИМОЛЕТНОЕ.

Лѣсныя травы	141
Блѣдная травка	142
Ароматъ солнца	143
Глушь	145

	<i>Стр.</i>
Затонь	146
Послѣдній лучъ	147
Закатные цвѣты	148
Равнина	149
Молебень	150
Въ окрестностяхъ Одессы	151
Вечеръ въ Амстердамѣ. <i>Медленныя строки</i>	152
Исландія	154

8. АНТИФОНЫ.

Намъ нравятся поэты	157
Къ Гермесу Трасмегисту	158
Къ Бодяру	159
Къ Лермонтову	160
Гиперборевъ	161
Страна исседововъ	162
Избраннику	164
Мой другъ, есть радость и любовь	165
Изъ Зендь-Авесты. <i>Гимны</i>	166
Оттуда	167
Луна	168
Тучи	169
Я въ глазахъ у себя затаилъ	170

9. ПРОГАЛИНЫ.

Путь правды	173
Папоротникъ	174
Пробужденіе	177
И <i>Да</i> и <i>Нѣтъ</i>	178
Четь и вечеть. <i>Медленныя строки</i>	184

10. ИНДИСКИЯ ТРАВЫ.

Майя	189
Круговоротъ	191
Индійскій мотивъ	193
Жизнь	194
Какъ паукъ	195
Изъ Упанишадъ	196
Индійскій мудрецъ	197
Молитва вечерняя	198

11. БЕЗВѢТРІЕ.

Альбатросъ	203
Свѣтлый герой	204
Потухшіе факелы	205
Южный полюсъ Луны	206
Блѣдный воздухъ	207
Немолчныя хвалы	209
Драгоценныя камни	210
Предвѣщаніе	212
Вершины. <i>Медленныя строки</i>	213
Мостъ	215
Бѣлая страна	216

12. СМЕРТЮ СМЕРТЬ.

Смертію смерть	219
--------------------------	-----

